

ЛЕНА ОБУХОВА

АКАДЕМІЯ ГОРГУЛІЙ

НАПАРНИЦЯ
ДРАКОНА

Annotation

Учителя часто говорили Нике Матвеевой, что по ней тюрьма плачет, поэтому, очнувшись после вечеринки в переулке рядом с тремя окровавленными трупами, она испугалась обвинения в убийстве. Дядя, в семье которого она выросла, решил спрятать ее... в другом мире под присмотром директора Академии Горгулий. Это самое странное учебное заведение, которое Нике доводилось видеть: в одиннадцать вечера здесь звонит колокол и горе тому, кто остался на улице после его ударов, по коридорам ночью бродят какие-то люди, а прямо за стенами начинается Мертвый лес, вход в который заказан, как и в закрытую часть замка. А это значит, что непременно надо везде побывать! Ведь вокруг столько тайн, которые так и просят, чтобы их раскрыли! В таком деле без надежного напарника никак не обойтись, и у Ники уже есть один на примете. Правда, он ее преподаватель, да и тайн у него своих хватает, но тем интереснее.

Лена Обухова

Академия Горгулий. Напарница дракона

Главное правило моей жизни гласит: «Если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдет». Поэтому я ничуть не удивилась, когда в дороге нас застал проливной дождь, а карета – или правильнее сказать экипаж? – попала колесом в выбоину незадолго до того, как мы достигли цели нашего путешествия.

Пока кучер вместе с моим провожатым пытались вытащить застрявшее в яме колесо, остервенелые струи дождя медленно просачивались сквозь заговоренную ткань непромокаемого (как заверили нас в городе) плаща, а я стояла и смотрела на возвышающийся впереди замок.

Он был уже совсем близко, казалось, руку протяни и коснешься, но на самом деле мы не добрались даже до поселения, образовавшегося у его подножия. Зато с такого расстояния громадное здание было видно даже лучше. Дальше дорога шла все время немного вверх, и хотя вокруг нас уже сгустились сумерки, сам замок отчетливо выделялся на фоне неба, подсвеченного последними лучами исчезнувшего за горизонтом солнца. Мне были видны контуры многочисленных башен, увенчанных острыми шпильями, но я, конечно, не могла разглядеть силуэты мерзких каменных тварей, давших этому месту свое имя.

Замок Горгулий. В прошлом это наверняка была какая-нибудь крепость, принадлежавшая кому-то из подданных короля... или кто ими тут правил раньше? Сейчас же здесь размещалась не то школа, не то академия, не то университет. Подробности мне еще только предстояло выяснить. Пока наверняка я знала одно – внутри замка меня ждет мужчина, с которым я уж и не чаяла однажды свидеться. А вместе с ним ждет и новая жизнь. Поскольку я пока не понимала, к добру это или к беде, перспектива меня пугала.

Размышления и страхи, терзавшие последние два дня, вновь так захватили, что я не заметила, как колесо все-таки вытащили из ямы, а провожатый подошел ко мне.

– Можем ехать дальше, – сообщил он, тронув за плечо.

От неожиданности я дернулась и едва не вскрикнула. Двое суток почти не спала, и нервы были уже ни к черту!

Провожатый посмотрел с укором и ворчливо добавил:

– Надо поторопиться.

Поселение мы пересекли быстро, я едва успела его заметить. По дороге, кажется, не встретили ни одной живой души. Впрочем, учитывая ливень и поздний час, это было вполне естественно. Лошади вскоре заметно устали: им и так пришлось преодолеть немаленькое расстояние сегодня, а необходимость тащить карету в пусть и пологую, но все же горку окончательно подкосила, и теперь мы двигались медленнее. Меня рвали на части два противоречивых желания: поскорее добраться, чтобы переодеться, согреться и в идеале поужинать, и снова застрять в колдобине, чтобы еще немного отложить судьбоносную встречу.

Кучер явно был сторонником первого желания: чем ближе к замку мы подъезжали, тем настойчивее он подстегивал лошадей. В этом чувствовалось нечто нервное и зловещее. Особенно когда в вечерней тишине, нарушаемой лишь шуршанием дождя, раздался звонкий и почему-то тревожный удар колокола. Один, другой, третий... Всего я насчитала одиннадцать.

У кучера от колокольного звона окончательно сорвало крышу. Он принялся безжалостно стегать несчастных животных, подгоняя их теперь еще и криками, пока те не разогнались

так, что карету зашатало на ухабах. Я заметила, как мой провожатый – немолодой мужчина с постоянно недовольным лицом и всклокоченными седыми волосами – стиснул зубы и сцепленные в замок руки. Мы всю дорогу сидели в экипаже друг напротив друга, и я впервые заметила столь яркие проявления нетерпения с его стороны. Может быть, ему в туалет приспичило? При такой тряске немудрено.

Однако, едва мы влетели в гостеприимно распахнутые ворота, он сразу заметно расслабился и выдохнул. А потом высунулся из маленького окошка, чтобы коротко переговорить с охраной.

– Мы к господину Колту, он нас ждет, – сообщил провожатый, протянув охраннику свернутую в трубочку бумагу.

Никаких вопросов к нам не возникло, и мы спокойно проехали дальше по внутреннему двору: кучер подвез нас к самым дверям основного строения замка.

Вскоре я оказалась в просторном, темном и достаточно пустынном холле. Освещение здесь вообще-то было: под потолком висели люстры с – внезапно! – лампочками, а не свечами, но горели далеко не все. Света хватало, чтобы ориентироваться в помещении, но его было гораздо меньше, чем я привыкла. От этого все вокруг казалось мрачным и угрожающим, а барабнящий по стеклам окон дождь лишь усугублял гнетущее впечатление.

– Ждите здесь, – велел провожатый. И ткнул указательным пальцем в пол, словно уточняя место, на котором я должна была дожидаться его возвращения. – Никуда не ходите. Я узнаю у директора, готов ли он вас принять.

Я безразлично кивнула, даже не задавшись вопросом, какого черта Колт может быть не готов. Слишком устала для таких мыслей. В голове было пусто, только тупая, ноющая боль нудно постукивала молоточками по мозгам.

«Наверное, это все-таки школа, – меня хватило только на этот гениальный вывод. – Раз директор. У академий и университетов ректоры ведь...»

Провожатый проигнорировал широкую лестницу, ведущую из холла на верхние этажи, и исчез в полутьме коридоров. Вскоре стих и звук его шагов, я осталась в безмолвном холле одна. Стащила с себя мокрый, а потому холодный и тяжелый плащ, но не нашла, куда его пристроить: ни вешалки, ни тумбочки, ни даже шаткой табуретки поблизости не наблюдалось.

Мне, конечно, сказали оставаться на месте, но когда меня это останавливало? Особенно если я находила оправдание не слушаться, а в этот раз и искать не пришлось, я буквально держала его в руках. В весьма озябших, несмотря на первые дни лета, руках.

Поэтому, заметив справа от себя арку, я нырнула в нее и попала в холл поменьше. Такой же темный, пустой и унылый, но здесь нашлось окно, а главное – весьма внушительный подоконник, на который я и пристроила плащик, сложив его пополам. Теперь я хотя бы смогла растереть друг о друга ледяные ладони.

Я едва успела разогнать кровь по мерзнувшим конечностям, когда мое внимание привлек приглушенный шум. Он доносился не из большого холла, откуда я пришла, а из-за приоткрытой двери в противоположном конце помещения. Я шагнула к ней, не задумываясь, хотя и понимала, что чем дальше уйду, тем труднее будет вернуться так, чтобы мое отсутствие не заметили. Не говоря о том, что я рисковала и вовсе заблудиться или забрести туда, куда не следует. Но любопытство, как всегда, оказалось сильнее меня, а сегодня к нему примешалось еще и тянущее чувство, внезапно появившееся в груди. Словно кто-то дернул за невидимую ниточку и повел меня вперед.

Помещение за дверью было еще меньше того, в котором остался мой плащ, но оно все равно выглядело достаточно просторным. Стена здесь шла полукругом, несколько узких стрельчатых окон располагались на небольшом расстоянии друг от друга. На одном из широких подоконников спиной к входу сидел молодой мужчина в черных брюках и белой рубашке. На коленях у него лежала раскрытая книга, довольно толстая и на вид старая, хотя читать при таком освещении я бы никому не порекомендовала: можно и без глаз остаться.

Впрочем, он, вероятно, лишь делал вид, что читает, поскольку бутылка в его руке была подозрительно похожа на винную, и он весьма жадно к ней прикладывался. Потом вдруг с громким стуком поставил на подоконник рядом с собой, туда же отложил книгу и встал, слегка пошатнувшись.

Я испуганно отпрянула, опасаясь быть замеченной, но мужчина так и не обернулся к входу, не бросил на дверь ни одного взгляда. Зато мне теперь стало лучше видно, что он довольно высок и широк в плечах, хоть и худощав. Длинные черные волосы, достающие практически до лопаток, были перехвачены лентой, но пребывали в беспорядке, многие пряди выбились, сама лента небрежно съехала.

Мужчина повернулся ко мне боком, демонстрируя изящный профиль, растер лицо руками, потом ладони друг о друга, словно они у него тоже замерзли, и слегка поддернул и без того закатанные до середины предплечья рукава. Потом поднял ладони, держа пальцы так, будто они лежали на поверхности невидимой сферы, немного пошевелил запястьями, поглаживая ее.

В пространстве между его руками вспыхнул огонек, в секунды разросся в большой огненный шар, который в свою очередь, повинаясь движению рук, попытался закрутиться в вихрь, но что-то вдруг пошло не так. На тонких запястьях мужчины вспыхнули холодным светом символы и линии, опоясывающие их словно браслеты. Сам он болезненно охнул и досадливо поморщился, а огненный вихрь в его руках погас.

Что-то пробормотав себе под нос, мужчина потянулся к бутылке и снова приложился к ее горлышку. И вдруг насторожился, словно что-то услышал или почувствовал, и резко обернулся ко мне.

Однако я успела отступить на несколько шагов, а потом и вовсе развернулась, собираясь направиться обратно в большой холл, но едва не вскрикнула, обнаружив прямо перед собой недовольное лицо провожатого.

– Вам было велено никуда не ходить, – напомнил он сварливо. И не дожидаясь моих оправданий, добавил: – Господин Колт вас ждет. Я провожу.

И вновь ему не потребовались ни моя реакция, ни какой-либо ответ. Он просто зашагал прочь, не оглядываясь и не проверяя, следую ли я за ним. Конечно, я последовала. Куда бы я делась? Я зашла уже слишком далеко, чтобы сейчас останавливаться.

Меня провели узкими коридорами, света в которых оказалось еще меньше, чем в холлах, к одной лестнице, потом к другой, в конце концов мы оказались в какой-то башне, где снова поднимались по лестнице, закручивающейся спиралью. Я с ужасом понимала, что без провожатого никогда не смогу выбраться из этого здания. Но едва ли мне предстояло в скором времени отсюда уйти.

Наконец мы остановились перед массивной дверью, на которую мужчина и указал. Мол, тебе туда, детка. После чего просто ушел, не дожидаясь, когда я войду. Ему, наверное, было все равно, переступлю я порог или нет. Его делом было привести меня сюда.

Глубоко вздохнув, я по привычке постучалась, потом мысленно выругалась на себя.

Меня же ждут, *готовы принять*. Решительно толкнув дверь, я вошла.

И оказалась в кабинете. Здесь верхний свет не горел вовсе, только лампа на столе, заваленном бумагами и книгами, и парочка бра на стенах по углам комнаты. Кресло за столом пустовало, поэтому я скользнула взглядом по помещению, ища хозяина кабинета.

Он обнаружился у окна. Стоял спиной ко мне, смотрел, по всей видимости, на капли дождя, стекающие по стеклу. Они занимали его больше. Или ему просто тоже хотелось немного отодвинуть мгновение встречи лицом к лицу.

Мне ничего другого не оставалось, кроме как сверлить взглядом его спину. Широкую, прямую. Господин Колт тоже был высок, как и незнакомец внизу, но вся его фигура казалась более внушительной.

Наконец он обернулся и хмуро посмотрел на меня. На вид ему трудно было дать даже сорок, но я точно знала, что должно быть немного больше. Волосы у него тоже были черными и длинными, но по левую сторону от пробора лежала широкая седая прядь, а кончики едва доходили до плеч.

Наверное, нужно было что-то сказать, но я могла лишь смотреть на него. Энгарт Колт тоже не торопился начинать разговор и с не меньшим интересом разглядывал меня. Возможно, как и я, он сейчас прислушивался к себе и пытался обнаружить хотя бы искорку тепла, которое нам следовало испытывать друг к другу. Не знаю, как были его успехи, а я пока ничего подобного не находила.

Наконец его взгляд остановился на моих глазах, Колт шагнул навстречу и даже попытался изобразить нечто похожее на радушную улыбку.

– Вот, значит, какая ты выросла. Здравствуй, Ника. Рад приветствовать тебя в Замке Горгулий.

Я с трудом сглотнула и глухо отозвалась:

– Ну, здравствуй, *papa*.

Глава 2

До девятнадцати лет я жила совершенно обычной жизнью и пребывала в уверенности, что отца у меня вовсе нет, поскольку отчество – Алексеевна – было позаимствовано у деда, как и фамилия Матвеева. Конечно, чисто биологически второй родитель должен был когда-то быть, но сначала я считала, что он умер еще раньше мамы, а где-то в седьмом классе заподозрила, что папаша жив-здоров, просто бросил нас сразу после моего рождения. Дядя, в чьей семье я воспитывалась, оставшись сиротой, не подтверждал эту догадку, но и не опровергал, сколько бы ни спрашивала. Поэтому спрашивать я перестала.

Не скажу, что мое детство было плохим. И дядя, мамин брат, и тетя, его жена, любили и хорошо обо мне заботились. Их сын тоже никогда не обижал, даже иногда защищал на правах старшего брата. Правда, по-настоящему близки мы так и не стали: каждый зависал в своей компании.

Но сколько себя помню, во мне всегда жила злость. Порой задавленная, задушенная, порой прорывающаяся острыми, режущими как бритва ростками. Я злилась и на бросившего меня отца, и на рано умершую мать, иногда даже на дядю с тетей, но чаще всего – на себя саму.

Это не шло на пользу ни моему характеру, ни учебе в школе, ни общению со сверстниками, ни жизни в целом. Я выбирала компанию таких же обиженных на мир детей, с которыми тайком курила за школой, пила пиво, слушала тяжелую музыку, порой тусовалась вместо того, чтобы делать уроки, и лазила то по законсервированным стройкам, то по заброшенным заводам, снимая дурацкие видео ради пяти минут славы в интернете. Я красила ногти в черный цвет, густо подводила глаза и носила длинную челку, из-под которой было удобно смотреть на людей с презрением. Учителя всегда говорили, что я плохо кончу. Учитывая главное правило моей жизни, сомневаться в этом не приходилось. Время от времени неприятные ситуации случались, и местный инспектор по делам несовершеннолетних знала меня в лицо. Однако серьезных проблем каждый раз удавалось избежать.

Я все-таки умудрялась как-то учиться, удержалась от татуировок, а пирсинг ограничился маленьким колечком в носу и парой дополнительных дырочек в ушах. И главное: мне хватило мозгов не связываться с наркотиками и теми, кто их употреблял. Экзамены в девятом классе сдала весьма терпимо, после чего радостно свалила из школы в колледж, чтобы поскорее освоить специальность в области информатики и программирования. Мир информационных технологий привлекал возможностью весь рабочий день сидеть, уткнувшись в монитор и врубив в наушниках любимую музыку, и почти не общаться с другими людьми. Ну, и платят, как я знала, в этой сфере хорошо, а специалистов всегда не хватает.

Реальность оказалась чуть сложнее ожиданий. Звезд с неба я определенно не хватала и на фоне других учеников выглядела в лучшем случае середняком. Чем глубже в профессию мы погружались, тем очевиднее становилось, что мозги мои устроены как-то не так. Это означало, что больших высот я едва ли достигну, но и без работы вряд ли останусь. А на удаленке я смогла бы работать даже на какую-нибудь столичную фирму, получая очень неплохие для нашего города деньги.

В общем, когда все это случилось, я предвкушала взрослую жизнь, свободную от ограничений и запретов дядино дома. Наверное, так бы все и произошло, если бы не

главное правило моей жизни.

За два дня до того, как я переступила порог Замка Горгулий, мы с приятелями отмечали окончание учебы в колледже. Мне и на выпускном в девятом классе удалось раздобыть бутылку дешевого игристого вина, а тут уж все участники успели достичь совершеннолетия, многие подрабатывали, так что с алкоголем проблем у нас не наблюдалось. Один парень и вовсе притащил бутылку виски. То ли у отца подрезал, то ли решил шикануть и купил. А возможности свои я знала не так уж и хорошо, потому, конечно, не рассчитала.

В итоге очнулась посреди ночи, сама не зная где. Определенно не в квартире одного из наших, где проходило отмечание. Было прохладно и твердо, чем-то воняло, тело ломило, а руки казались липкими. В голове гудело, глаза закрывались, во рту было мерзко, а в желудке беспокойно. Я оттолкнулась от шершавого асфальта, едва осознавая, что валяюсь на улице, как какой-то пьяный бомж, осторожно села и попыталась осмотреться. То, что увидела, грозило еще долго сниться в кошмарах.

Я обнаружила себя позади сетевого магазина рядом с нашим домом. Здесь разгружали товар, а поблизости стояли мусорные баки, в которые выкидывали просрочку и окончательно сгнившие овощи и фрукты. Из них и воняло. Но испугало не это.

На асфальте вокруг меня лежали трое парней. Или мужиков, я не всматривалась и возраст определить не смогла. Все явно были мертвы, жестоко исполосованы ножом или чем-то похожим. Опять же: в ночной полутьме было не так уж хорошо видно. Вот только кровь я видела отчетливо. Она была повсюду: на растрескавшемся асфальте, на телах, на моей одежде и руках.

Я плохо соображала, но одна мысль в голове сформировалась довольно отчетливо: тот, кто их убил, может вернуться за мной. Поэтому я вскочила настолько резво, насколько позволяло мое состояние, и бросилась бежать. Домой, к дяде.

Дорогу я почти не помню, снова мыслить связно начала, только ворвавшись в родной подъезд и хлопнув за собой дверь с кодовым замком. Мои мысли развернулись в совершенно другом направлении. Кто эти люди? Почему мы оказались вместе в таком подозрительно укромном месте? Почему на моей рубашке не хватает пуговиц, а пропавшие вырваны буквально с корнем? По всему выходило, что эти трое могли напасть на меня с понятными намерениями, а потом...

Вот что произошло потом, я не могла предположить. Кто-то вступился и убил их? Но почему тогда меня бросили рядом с их телами? Не могла же я сама убить троих, а потом потерять сознание? Как минимум я была без оружия.

Или что-то подходящее подвернулось под руку? Что, если я его просто не заметила в темноте, а оно осталось там валяться. С моими отпечатками. Впрочем, и без оружия с отпечатками меня легко могли обвинить в тройном убийстве. У нас ведь такие дела быстро раскрываются, по горячим следам. Кто был рядом с трупом, тот и убийца. Припомнят все мои подростковые подвиги, глазом моргнуть не успею, как уже в тюрьме окажусь.

К тому моменту, как добралась до квартиры дяди, я, во-первых, окончательно протрезвела от ужаса, а во-вторых, дрожала крупной дрожью. В голове крутилась единственная мысль: «Мне конец».

К счастью, дядя был дома один. Тетка последние годы не работала, поэтому еще в мае перебиралась на дачу, где он навещал ее по выходным. Их сын еще в прошлом году снял квартиру на двоих с приятелем и жил отдельно.

По тому, как быстро дядя открыл дверь, я поняла, что он не спал. Наверное, меня ждал. Возможно, даже пытался дозвониться. Только тогда осознала, что не имею ни малейшего понятия ни где мой телефон, ни где сумка с деньгами и документами.

Мой вид дядю, конечно, напугал, но в первую очередь он решил, что я ранена. Убедившись, что со мной все в порядке, немного успокоился и потребовал объяснений. Я рассказала ему все честно, как на духу, включая собственные соображения по поводу дальнейшего развития событий. Под конец заливалась горячими слезами и нервно икала, не представляя, что делать дальше.

Дядя отправил меня в душ, заявив, что нужно избавиться от перепачканной в крови одежды. Даже помог снять рубашку, но дальше я его застеснялась и попросила выйти из ванной. Он мне, конечно, как отец, но я все-таки уже не маленькая девочка. Дядя почему-то не сразу отреагировал, задумчиво пялясь на мою спину. Только когда я повторила просьбу, вышел, забрав рубашку и велел выкинуть за дверь джинсы, как только сниму их. Я послушалась. Не тот случай, когда я могла позволить себе дать волю духу противоречия.

Когда я вышла из ванной, закутавшись в халат, квартира оказалась пуста и темна, а за окном уже светало. На столе в кухне лежала записка с коротким распоряжением: «Будь дома, никому не открывай, свет не включай, к телефону не подходи. Лучше поспи немного». Я прилегла на диван в гостиной, не надеясь уснуть, но отключилась практически мгновенно.

Впрочем, поспать долго не удалось, хотя дядя так и не вернулся. Весь день я просидела в квартире тише воды, ниже травы. Кажется, даже телевизор ни разу не включила. Забившись в угол дивана, прислушивалась к тишине и любому возникающему шуму. Все ждала, когда в

дверь начнут ломиться полицейские, но те так и не пришли.

Дядя вернулся вечером в привычный час, из чего я сделала вывод, что он провел день на работе, как и следовало. Я была готова вывернуться на него, у меня от бесконечно длинного дня и постоянного страха уже крыша ехала, но он с порога огорошил тихим распоряжением:

– Одевайся. Возьми сумку. Много вещей не клади, просто на пару дней пути. Белье там, гигиенические принадлежности... Всякое такое. На месте тебя обеспечат всем необходимым.

– На каком месте? – пискнула я, и сама на себя разозлилась за этот жалкий тон.

– Увидишь. Одевайся.

Я не стала спрашивать. Дядя выглядел решительно и немного печально, и я поняла, что ударюсь в бега, а не просто собираюсь пересидеть где-то бурю. Что ж, это лучше, чем тюрьма.

Из дома мы вышли, когда основной поток людей, возвращающихся с работы, иссяк. Дождаться темноты дядя не стал: в начале лета она опускалась довольно поздно, а нам, как я понимала, еще предстояло куда-то ехать.

Дорога заняла добрых полтора часа, мы выбрались далеко за пределы нашего не слишком большого города. Остановились на пустыре у кромки леса, где дядя сообщил, что дальше придется пройти. Уже темнело, внизу между деревьями и вовсе сгустились плотные сумерки, но верхушки особо высоких пока еще ярко освещало солнце. Было тепло, но поднимался порывистый ветер, словно надвигалась буря.

– Ты что, решил от меня избавиться? – нервно усмехнулась я, когда мы шагнули в не слишком густые заросли. – Прикопаешь где-нибудь здесь?

Место не производило гнетущего впечатления и не казалось опасным, сюда наверняка помяты толпы грибников и любителей пикников, но я не понимала, почему дядя привез меня именно сюда. Не хочет же он, чтобы я поселилась в лесу? Я ведь должна два дня куда-то ехать.

Дядя повернулся ко мне, но не улыбнулся, только вздохнул и признался, как ушат холодной воды на голову вылил:

– Нет, я отправляю тебя к отцу. Там тебя никто и никогда не найдет. Я посмотрю, как здесь будут развиваться события, и если все обойдется, ты сможешь вернуться.

По его тону стало понятно, что ему мало в это верится.

– Меня уже ищут, да?

Он мрачно кивнул.

– Ты попала на какую-то камеру, когда убегала с места происшествия. Думаю, они пока не нашли твою сумку с документами, поэтому не знают имени и адреса, но это лишь вопрос времени. Правосудие наше скоро на расправу и дальше первого подходящего подозреваемого редко ищет, поэтому играть в эту рулетку я не хочу. Отец о тебе позаботится. Я думаю.

Только когда слово прозвучало снова, до меня наконец дошел его смысл.

– Значит, он все-таки жив? – фыркнула я, а потом притормозила и огляделась по сторонам. – Он что, отшельник? Лесник? Бандит, тоже скрывающийся от ментов? Почему мы встречаемся с ним здесь?

– Не с ним, – кратко отозвался дядя, не сбавляя ход. – С проводником, который тебя к нему доставит.

Мне пришлось снова зашевелиться, чтобы не отстать, но прежде, чем я нашла слова для дальнейших расспросов, дядя все-таки притормозил. Я проследила за его взглядом и тихо

охнула.

Для каждого, кто когда-либо промышлял неформальным туризмом, то есть, проще говоря, лазил по заброшкам, это место было сродни Атлантиде. Кто-то мечтал его найти, другие в него не верили, но знали о нем все. Только не знали, где именно оно находится. Оказалось, вот где.

Заброшенный железнодорожный туннель длиной с полкилометра. Значит, где-то здесь, у нас под ногами, должны находиться и сохранившиеся рельсы. Но все так заросло, что туннель сперва можно было принять за вход в пещеру или дырку в холме. Если бы не видела фотографию, которую большинство считали фейком и монтажом, я бы тоже не сразу сообразила, что к чему, но когда-то я мечтала сюда попасть. Это место буквально снилось мне с тех пор, как я впервые о нем услышала.

– Что все это значит? – едва ли не шепотом поинтересовалась я, не в силах отвести взгляд от темного провала.

То ли туннель изгибался, то ли другой его конец находился слишком далеко, то ли был давно завален, но света внутри не было совсем. А учитывая сгущающиеся вечерние сумерки, место и вовсе выглядело жутко. У меня ведь даже фонарика с собой нет...

– Я никогда не рассказывал тебе о твоём отце, потому что он не из этого мира, – тем временем «объяснил» дядя. И стало совсем непонятно.

– В смысле, не от мира сего?

Зародилось подозрение, что меня просто разыгрывают. И все это: мертвые мужики на задворках магазина, наша поездка за город, треклятый туннель – части сложного спектакля. Разыгрываемого, например, с целью показать, что пить сверх меры – очень плохо.

– Нет. Смысл именно такой, как сформулировал я. Параллельно с нашим существует еще один мир, попасть в который можно через этот туннель. Много лет назад мы с твоей мамой тоже любили лазить по всяким... запретным местам. И однажды нашли это. Так Лелька и познакомилась с твоим отцом...

Дядя замолчал, прикрыв глаза, и тяжело вздохнул.

– В общем, лучше он сам тебе все расскажет. Тем более *проводник* уже здесь.

Дядя кивнул на туннель, и я снова повернулась к черному провалу. Оттуда действительно как раз вышел весьма странного вида мужик. Тогда я не смогла бы толком объяснить, что именно показалось мне странным. Теперь я понимаю, что дело было в одежде. Она вроде была вполне обычной: ботинки, штаны, нечто похожее на куртку, надетую поверх рубахи без пуговиц, и в дополнение ко всему – длинный коричневый плащ и шляпа. Но все это выглядело... *странно*. Ткани и фасоны не походили на то, к чему я привыкла.

Мужчина приветственно махнул рукой, но близко подходить не стал, как будто опасался отдаляться от широкого горла туннеля.

– Вот и все, тебе пора, – тихо сообщил дядя, и по его тону я поняла: это не розыгрыш, все происходит по-настоящему.

– Но... куда?

Меня охватила паника. Куда я собралась? Стоят ли намечающиеся проблемы с законом такого риска? Здесь хотя бы известны правила игры, есть родные люди, готовые помочь и позаботиться. А что ждет там? Что это вообще за мир такой – другой? Подземный? Или какой? Я ничего не понимала, а потому ужасно боялась.

– Ты поедешь в Замок Горгулий, твой отец сейчас живет там. Его зовут Энгард Колт. Он ждет тебя. Ничего не бойся. Если тебе можно будет вернуться... В смысле, *когда* будет

можно, я дам знать.

Он вдруг притянул меня к себе и крепко обнял. Я обняла его в ответ и, кажется, плаксиво пробормотала, что не хочу никуда ехать, но дядя отчего-то был крайне настойчив. А я снова не решилась послушаться. Возможно, потому что в глубине души давно мечтала однажды встретиться с отцом.

Отлипнув от дяди, я повернулась и решительно направилась к проводнику. Не дожидаясь, когда я подойду, тот зашагал к темному провалу туннеля. Я ускорила шаг, боясь отстать, но на границе света и тьмы все-таки притормозила и обернулась, бросив последний взгляд на дядю. Тот ободряюще улыбнулся и махнул рукой на прощанье, после чего я нырнула в черную дыру.

Здесь было холодно, сыро и ужасно тихо. Поначалу я видела спину проводника только благодаря остаткам солнечного света, но со временем мы ушли слишком далеко от входа. Тогда в руках мужчины зажглась лампа, напоминающая керосиновую. Я видела такие в кино, но эта чем-то неуловимо отличалась. Будь у меня шанс ее рассмотреть, смогла бы описать подробнее.

Мужчина бодро шел вперед, не оборачиваясь и не проверяя, иду ли я следом. За все время он не проронил ни звука. Мне оставалось лишь прислушиваться к гулкому эху наших шагов, отражающихся от стен и сводов, утонувших в непроницаемом мраке. Чем внимательнее я слушала, тем больше звуков появлялось в окружающей тишине. Шорохи, хлопки, шипение, вздохи и, кажется, в какой-то момент мне даже почудился чей-то тихий плач. Источники звуков так и остались для меня тайной, что, возможно, только к лучшему. У меня и так по телу бегали мурашки размером со слона.

А потом впереди забрезжил свет, и мы все-таки вышли из туннеля. Не просто с другой стороны, а действительно в совсем другом мире. Только тогда мой провожатый заговорил и сразу объяснил, что раньше мы не поняли бы друг друга.

– На *изнанке* мира это обычная проблема. Лишь в *истинном* мы все говорим на одном языке.

Это обстоятельство показалось весьма хорошим знаком, ведь, отправляясь сюда, я даже не подумала о языковом барьере и о том, как буду его преодолевать.

В следующие сутки я еще много узнала об *истинном* мире – родине моего отца. А теперь он и сам стоял напротив меня. Такой, каким я его себе даже вообразить не могла.

Пожалуй, с моими представлениями совпали только цвета волос и глаз. И мама, и дядя были светлой масти, поэтому черные волосы и карие глаза определенно должны были достаться мне от отца. Здесь истинное положение вещей меня не разочаровало.

В остальном мои фантазии о родителе претерпевали изменения с течением жизни. Ни одной фотографии я никогда не видела, поэтому в раннем детстве воображала его себе красивым и статным с внешностью то одного актера, то другого. По мере взросления и понимания, что отец нас с мамой банально бросил, его образ стал обрастать разными неприятными деталями вроде злых глаз, крючковатого носа, отечного, как у алкоголиков, лица.

Оказалось, что первоначальный и ныне почти забытый образ был куда ближе к истине. Даже сейчас отец оставался крайне хорош собой, поэтому я прекрасно понимала мать, потерявшую от него голову в те времена, когда он был на двадцать лет моложе. Высокий, действительно статный и довольно крепкий, с приятными чертами лица без какого-либо намека на отечность. Небольшой шрам, проходящий через правый глаз, совсем его не портил, скорее, наоборот, придавал еще больше мужественности его и без того впечатляющей внешности. Не знаю, при каких обстоятельствах он его получил, но сам глаз ничуть не пострадал.

Поначалу лицо отца выглядело довольно сурово или просто напряженно, но когда он шагнул ко мне, делая попытку улыбнуться, черты заметно смягчились. Колт расплел до того сложенные на груди руки, и на мгновение мне показалось, что сейчас он попытается заключить меня в приветственные объятия. Мгновенно подняла голову привычная злость, помноженная на напряжение последних двух дней, усталость от бесконечно длинной дороги в трясущейся по кочкам коробке и неудобство от давно промокших ног, ибо мои кроссовки не были рассчитаны на проливной дождь.

«Если он полезет с обнимашками, я ему врежу», – промелькнуло в голове.

И то ли Колт прочел это на моем лице, то ли и не собирался делать ничего подобного, но объятий не последовало.

– Полагаю, у тебя много вопросов, у меня тоже есть парочка, но ты наверняка устала с дороги, – сдержанно заявил папаша. И ведь даже из вредности я не могла поспорить. – Да и час уже поздний. Поэтому давай я отведу тебя в комнату, потом ты поужинаешь, как следует выспишься и завтра мы обо всем поговорим. Идет?

Я лишь неопределенно кивнула, не в силах противостоять соблазну слов «ужин» и «выспишься», но не желая с ходу демонстрировать полное послушание. Не стоило внушать ему иллюзию моей покорности.

Вновь бродить по коридорам, лестницам и переходам замка не пришлось, мы ограничились тем, что поднялись на пару этажей внутри башни. Там и оказалась моя комната. Довольна просторная, но едва ли светлая даже солнечным днем: здесь были такие же узкие окна, как и внизу. Сейчас же и вовсе горела только небольшая люстра под потолком, которую Колт включил как-то совершенно незаметно для меня. Да еще полыхал настоящим огнем камин.

– Вот, здесь ты будешь жить, – объявил отец, весьма сдержанным жестом обводя помещение и при этом оглядываясь по сторонам так, словно видел его впервые.

Или просто не был уверен, что в нем есть все необходимое. Меня сразу смутило отсутствие платяного шкафа и рабочего места – письменного стола, зато имелся круглый обеденный с четырьмя стульями. В комнате также стояли огромная кровать, небольшой диванчик у одного окна и туалетный столик у другого. Что ж, весьма неплохо. Учиться можно и за обеденным столом, а вещей у меня пока и вовсе нет, так что со шкафом потом разберемся.

Я еще не знала, чему собираюсь учиться, но это ведь школа. А мне, если придется жить в этом мире, потребуется какая-то местная специальность. До компьютеров и программирования здесь явно еще очень далеко.

– Я живу этажом выше, – тем временем сообщил Колт. – Поэтому, если понадобится, ищи меня там.

– А еще здесь кто-нибудь есть? – поинтересовалась я, снимая с плеча единственную сумку, с которой отправилась в путешествие, и ставя ее на один из стульев за круглым столом.

– Эта башня считается моей, поэтому чужие здесь не ходят. На одном этаже с тобой живет только Мелиса.

– Мелиса? – я удивленно приподняла брови, вопросительно глядя на него.

– Одна из преподавательниц академии.

– И твоя любовница, надо полагать? – уточнила я с вызовом. – Раз живет в твоей башне.

Его губы скривились в сдержанной улыбке.

– Она всего лишь друг. Близкий, но друг.

– Знаешь, как говорят? Не бывает дружбы между мужчиной и женщиной. Рано или поздно все кончается постелью. Хотя иногда – крайне редко – с нее начинается. Ваш вариант какой?

Его улыбка стала шире, в темных глазах заплясали чертики, что немного оживило суровое лицо. Однако отвечать на вопрос он не стал, беззастенчиво сменив тему:

– Здесь пока почти ничего нет. Я имею в виду, никаких вещей, только кое-что в ванной, – он кивнул на неприметную дверь в углу, которая, по всей видимости, являлась входом в означенную комнату.

Интересно, а до водопровода с канализацией они уже доросли? Или там лохань с кувшинами и ночной горшок? По дороге сюда мы пару раз останавливались в придорожных трактирах, и там в качестве туалетов использовались деревянные домики с дыркой в полу и соответствующим запахом. Даже интересно, как дела обстоят в замках.

– Все произошло так быстро, что не было времени как следует подготовиться к твоему приезду. Но в ближайшие дни мы обязательно купим все, что тебе будет нужно.

– Звучит многообещающе, – хмыкнула я, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Ужасно не терпелось поскорее снять промокшие кроссовки и все-таки познакомиться поближе с местным санузлом, но не очень-то хотелось открыто сообщать об этом мужику, который, по сути, чужой мне человек.

– Когда немного освоишься в нашем мире, начну знакомить тебя с местными, – тем временем продолжал Колт. – Думаю, к концу года вполне возможно выдать тебя замуж.

– Что?!

Ощущение было такое, словно я с разбега налетела на невидимую стену. О чем это он, черт побери?

– Куда выдать?! Ты охренел, что ли?

На лице папаша отразилась крайняя растерянность. Очевидно, он не ожидал такой реакции.

– Ну... замуж. Тебе ведь девятнадцать, верно?

– Будет через месяц, – буркнула я. – И что с того?

– Подходящий возраст для замужества, – пожал плечами Колт.

– Класс! – всплеснула я руками и возмущенно уперла их в бока. – То есть ты ни дня насчет отцовского долга в своей жизни не напрягался, а едва пришлось, уже торопишься повесить меня кому-нибудь на шею?

Он вновь скрестил руки на груди, глядя на меня с недоумением.

– А какие есть варианты? У тебя были на жизнь другие планы?

– Да, черт побери! Обучение, карьера, путешествия. Тусовки с друзьями. Ну, ладно, с приятелями. Ни к чему не обязывающие романы. Замужество – может быть, когда-нибудь, но не сейчас же! Не так сразу!

– Боюсь, что с учебой и карьерой в нашем мире у тебя будут проблемы. Где ты собралась учиться?

Я выразительно ткнула указательными пальцами в пол.

– А это разве не школа?

– Это академия.

– Ну вот, отличный вариант! В школе я уже отучилась, в колледже тоже. Самое время перейти к академии.

– Ты не можешь здесь учиться, – отрезал Колт.

– Это еще почему?

– Во-первых, у тебя нет соответствующего предшествующего образования. А во-вторых, ты сюда не поступала.

– Вообще-то, она может здесь учиться, – раздался от двери весьма мелодичный женский голос, на который мы с Колтом одновременно обернулись.

На пороге стояла незнакомка лет тридцати. С длинными каштановыми волосами, завивающимися в мелкие кудряшки, четко очерченными черными бровями и ярко-алыми губами. Ростом она была чуть выше меня, облегающие штаны подчеркивали стройность ног, а приталенная туника до середины бедра скрывала все возможные недостатки. Или просто служила альтернативой платью. Женщина приветливо улыбнулась мне и подмигнула, а потом с вызовом посмотрела на отца.

Вероятно, это и была та самая Мелиса. И что бы там ее ни связывало с Колтом, она мне уже нравилась. И понравилась еще больше, когда добавила:

– Она твоя дочь, то есть дочь директора. А значит, имеет право обучаться в академии, не проходя вступительных испытаний.

– Это не решает первую проблему, – упрямо напомнил Колт. – У нее нет соответствующей подготовки.

– Да брось, Энгард, – улыбнулась Мелиса. – Разве большинство наших преподавателей не начинают свои курсы со слов: «Забудьте все, чему вас учили раньше?» Я так каждый раз делаю. А ты нет?

Колт нахмурился, но промолчал, что свидетельствовало в пользу правоты моей внезапной заступницы.

– Она пройдет инициацию, мы объясним ей суть магии, немного позанимаемся летом. Не только бытовыми вопросами, но и более сложными. Уверена, Ника все быстро освоит. А

что не освоит, то во время учебы нагонит. Правда?

Мелиса повернулась и вопросительно посмотрела на меня. Я в ответ активно закивала. Вообще-то, меня сложно назвать прилежной ученицей, и никто никогда не говорил, что я быстро схватываю, а магия и вовсе еще недавно была для меня просто суеверием, но в таких делах главное – мотивация. А сейчас мотивация была очень уж хороша, ибо замуж так рано мне совершенно не хотелось.

– Ладно, – сдался наконец Колт. – Можно попробовать. В конце концов, хуже не будет. Если первый курс потянет, то и дальше справится.

Я облегченно выдохнула, а Мелиса снова ободряюще улыбнулась. Однако, уже уходя, папаша весьма серьезно добавил:

– К тому же среди студентов академии немало достойных молодых людей.

После чего дверь за ним и его «просто другом» закрылась, а меня охватило жгучее желание швырнуть что-нибудь родителю вслед в знак крайнего возмущения. Увы, под рукой ничего подходящего не оказалось.

Оставшись в комнате одна, я в первую очередь скинула промокшие кроссовки, стащила сырые носки и подвернула штанины джинсов. Стоять босиком на каменном полу было определенно плохой идеей, поэтому, подхватив сумку, я перебралась на ковер с толстым ворсом, по которому можно было дойти до широкой кровати. Джинсовую куртку, оставшуюся сухой благодаря плащу, я кинула поверх покрывала, а потом и сама плюхнулась на него и принялась рыться в сумке, ища пачку сигарет.

Пачка нашлась, а вот зажигалка куда-то запропастилась, хотя я была уверена, что взяла и ее. Пока рылась, вспомнила мужчину, которого видела внизу, и его огненный шар. Интересно, я тоже так смогу, когда отучусь здесь? Мне бы пригодилось умение зарождать хотя бы крошечный огонек, потому что зажигалки я постоянно теряю.

Но пока я так не умела, а мелкая вредина на редкость хорошо спряталась, поэтому от идеи успокоительной сигареты пришлось отказаться. Огонь в камине, конечно, мог решить проблему, но я не видела вокруг ничего, на чем его можно было безопасно перенести, а засовывать в камин голову я считала не слишком удачной идеей. В конце концов, я не такой уж заядлый курильщик, а поберечь сигареты тоже неплохо, у меня с собой всего одна пачка. Едва начатая, но все же. Стоит сперва узнать, когда я смогу разжиться пополнением и смогу ли вообще.

Засунув сигареты обратно, я пристроила мокрые кроссовки поближе к камину, чтобы просохли, на ручку кресла, стоящего рядом, повесила носки с той же целью, после чего решила повнимательнее познакомиться с комнатой.

В первую очередь меня заинтересовала еще одна дверь, а помещение за ней заставило забыть переживания по поводу шкафа. Там обнаружилась огромная и сейчас практически пустая гардеробная. На полках я нашла только ночную сорочку: из плотной ткани, до щиколоток и с длинными рукавами. Да, пожалуй, в замке достаточно «свежо», чтобы спать в подобном одеянии. Иначе утром, наверное, из-под одеяла не вылезти. Судя по тому, что на вешалке меня ждал еще и весьма теплый халат, с отоплением здесь совсем беда. На нижней полке также обнаружили туфли. Достаточно мягкие и удобные, чтобы использоваться в качестве тапочек, что было весьма кстати: босые ноги уже заledenели.

Остальные вешалки и полки пока пустовали. Трудно было представить, сколько одежды и обуви сюда поместится, у меня сроду такого количества не было. Конечно, не факт, что папаша планирует заполнить это помещение до отказа, но в местные магазины сходить будет интересно. Я надеялась только, что в новом мире обойдется как-то без корсетов. Пока он производил впечатление несколько отставшего от нашего, так что нормальные лифчики здесь вряд ли уже изобрели. Среди прочего я прихватила с собой запас нижнего белья, пару футболок и даже сменные джинсы, но оставался вопрос уместности всей этой одежды здесь.

Следом я отправилась инспектировать санузел, и там меня ждал самый приятный из всех сюрпризов.

Прежде всего, в нем имелся душ! Ну, или вроде того: закуток, в котором из дырок в потолке текла вполне приемлемая по температуре вода. Уходила она через одну большую дырку в полу. Станным показалось то, что она не выглядела глубокой, то есть не была похожа на начало трубы. То, что вода полилась, едва я вошла в ванную, тоже удивило, но сейчас вполне устроило. Потому что никаких вентилях для регулировки напора и

температуры я не увидела.

Помимо душа, в комнате стояли вполне себе вместительная ванна, у которой, правда, не было ни кранов, ни слива вообще, раковина с той же проблемой и... да... Он. Ночной горшок. Вероятно, совсем новый, поскольку выглядел таким чистым, что из него можно было бы и воду пить.

Решив, что вопрос с работой раковины и опорожнением горшка можно отложить и до утра, я поспешила воспользоваться последним по назначению, поскольку терпеть уже не было сил. Лежавшие на близстоящей тумбочке бумажные салфетки пригодились кстати, поскольку прекрасно заменяли туалетную бумагу. А крышка делала использование горшка вполне сносным. Что я, у бабушки на даче никогда не гостила? Там у нас долгое время был подобный «биотуалет».

Вода в душе так и текла, пока я бегала за ночнушкой и лазила по шкафчикам в поисках полотенца и какого-нибудь мыла. Нашла в итоге вполне приличную мочалку и даже нечто мягкое и мылящееся, но похожее больше на крем в баночке, чем на гель для душа или жидкое мыло. Впрочем, пахло оно приятно и не сушило кожу – чего еще пожелать?

Помывшись и вытершись полотенцем, я поняла, что с душем все же будут проблемы: вода продолжала течь, а как ее выключить, я не знала. Для верности осмотрела закуток со всех сторон, даже стены потрогала в поисках скрытого управления – ничего.

Идти сейчас за отцом или Мелисой совершенно не хотелось, но и оставить воду так я не могла: она же будет шуршать всю ночь, а даже если нет, я буду знать, что она льется. Для человека, жившего со счетчиком воды, это было неприемлемо. Я продолжала в отчаянии шарить рукой по стенам в безуспешных попытках найти какой-нибудь потайной камень-кнопку.

– Да хватит уже! – в конце концов не выдержала я. – Выключись!

В одно мгновение поток воды прекратился. Неужели так просто?

– Эм... Вода, включись! – интереса ради велела я.

Поток возобновился.

– Выключись!

Остановился. Круто... Прямо умный дом средневековья! Или... какая у них эпоха? По истории я выше тройки никогда не имела, поэтому затруднялась с определением.

Разобравшись с водными процедурами, я вернулась в спальню, где мгновенно напряглась и настороженно оглянулась по сторонам. Однако комната оставалась такой же пустой, какой была до моего похода в душ: свет люстры под потолком был достаточно ярким, чтобы не оставить визитеру шансов притаиться в темном углу.

И тем не менее обеденный стол оказался уставлен тарелками, и от некоторых поднимался красноречивый пар, как будто горячее блюдо едва внесли и поставили.

На всякий случай я проверила, не спрятались ли кто в гардеробной, но и она была пуста. Видимо, еду принесли, пока я воевала с душем, причем очень тихо. Почему-то от этой мысли стало не по себе: вероятно, в замке есть прислуга, но я совершенно не привыкла к тому, что в мою комнату могут заходить какие-то левые, неизвестные мне люди.

Захотелось закрыться, но на двери не нашлось ни замка, ни щеколды. И команда: «Дверь, запрись» не сработала ни в одном из полудюжины вариантов, что мне удалось придумать. Поэтому я просто подперла ручку стулом. По крайней мере, если ночью кто-то решит войти, я услышу и проснусь, меня не смогут застать врасплох.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что ужин мне подали разнообразный и

весьма обильный: здесь было и мясо трех видов – холодное и горячее, и сыры, и овощи, и крупа, похожая на булгур, и какой-то теплый напиток в огромной кружке, напоминающий несладкий компот. Обычно вечером я столько не ем, но мой последний прием пищи был давно, а день оказался долгим и насыщенным, поэтому я метала еду с тарелок так быстро, словно соревновалась с кем-то на время. И все равно осилила едва ли половину, что меня, конечно, не огорчило. Остальное вполне могло стать завтраком.

Еду я оставила на столе за неимением иных вариантов, лишь попыталась разместить все компактнее, чтобы прикрыть одни тарелки другими, освободившимися. Немного посидела, удрученно разглядывая обстановку. Пока все складывалось весьма неплохо, но тишина вокруг угнетала. Не давала отвлечься от тревожных мыслей. И смартфона нет: не переключить внимание на забавные картинки и короткие видео.

Впрочем, мысли все равно путались от усталости, и я решила, что нужно ложиться спать. Грядущий день обещал быть не менее напряженным и насыщенным, чем последние два.

Перед тем как лечь в постель, я еще раз заглянула в ванную: от разыгравшейся жажды с компотом я явно переборщила, осушив кружку до самого дна. Там меня ждал еще один приятный сюрприз: ночной горшок оказался пуст, чист и свеж, словно только что поставлен. Снова используя его по назначению, я опустила крышку, постояла несколько секунд и приподняла ее, осторожно заглянув внутрь. Горшок опустел.

– Вот это магия, вот это я понимаю! – удовлетворенно пробормотала я, нервно усмехнувшись.

Поскольку с раковиной я так и не разобралась пока, руки помыла в душе. Не особо удобно, конечно, но хоть ночнушку не намочила.

Вернувшись в комнату, тихо выругалась: с обеденного стола тоже все исчезло, словно ничего и не было. Опасливо покосилась на дверь: стул подпирал ручку ровно так же, как я его оставила. Значит, сюда никто не заходил. Впрочем, может быть, поэтому здесь и нет замков: все просто телепортируются туда-сюда. Как содержимое горшка.

– Ладно, хватит на сегодня впечатлений, – сказала я самой себе. Очень уж сильно тишина давила на уши.

Стул я все-таки убирать не стала и прихватила у камина кочергу – поставила поближе к кровати, чтобы можно было дотянуться до нее не вставая. Только после этого забралась под одеяло и пристально посмотрела на люстру.

– Выключись!

Лампочки – или что там на ней горело – погасли, комната погрузилась в темноту. Не кромешную, потому что огонь в камине все еще горел, потрескивая. Его отсветы плясали на стенах. Было слышно, как шуршит по окнам дождь и где-то завывает, плача, ветер. Никаких других звуков до меня не доносилось, словно замок внезапно опустел, а я осталась в нем совсем одна.

От этой мысли сердце непроизвольно забилось быстрее, а по коже побежали мурашки. Я подтянула колени к груди, накрывшись одеялом едва не с головой. Тревога не покидала меня все это время, но сейчас стало почти так же страшно, как в темноте туннеля, наполненной неясными шумами. Мне даже показалось на секунду, что я снова слышу вздохи и шипение, похожее на шепот, и чей-то не то плач, не то стон.

Но это, конечно, были просто дождь и ветер, доносящиеся до меня сквозь сон, в который я мгновенно провалилась.

В первые секунды после пробуждения я поймала себя на мысли: «До чего же мутный сон!» Но когда глаза наконец открылись, а мозг заработал в полную силу, я с тоской осознала, что все это не сон и не бред. Я действительно оказалась черт знает где под покровительством отца, которого если и видела когда-нибудь прежде, то совершенно этого не помню.

Сев на кровати, я огляделась по сторонам. Да, все та же комната в замке. Камин прогорел, но такого уж лютого холода, на какой намекала теплая ночнушка, я не ощущала. За окнами всюду светило яркое солнце и свет этот лился сквозь многочисленные, хоть и не очень широкие окна. Сердце возбужденно ударилось о ребра, сладко сжавшись. Кажется, в глубине души – на приличной такой глубине – я все же была рада, что мое странное путешествие не оказалось глюком мозга, хорошенько отравленного алкоголем на вечеринке. В конце концов, скольким людям выпадает в жизни такое приключение? Все лучше, чем ходить по беседам.

Вытащив из тайных уголков сознания эти светлые мысли, я отправилась в уже знакомый санузел – приводить себя в порядок. Сегодня можно было и голову наконец помыть, на ночь, не имея под рукой фена, я это сделать не решилась, а умываться все равно придется в душе.

Выходя из ванной, я отчасти ожидала увидеть на столе пышущий жаром завтрак, но вместо этого на нем обнаружился сложенный пополам листок бумаги с невнятными закорючками. Точнее, сами закорючки были мне вполне знакомы – нормальная такая латиница, выписанная несколько небрежным почерком, – но они складывались в непонятные, на первый взгляд, слова. «На первый», потому что буквально через пару секунд слова обрели для меня смысл, словно включился встроенный в мозг автоматический переводчик.

«Я уже почти обожаю этот мир», – пронеслось в голове, поскольку изучение английского всегда было для меня сущей мукой, но без него программисту никак.

Записку прислал Колт. Он приглашал меня – как только проснусь и буду готова, – присоединиться к нему за завтраком. Заодно уточнял, как найти нужную комнату этажом выше.

Что ж, видимо, он и впрямь не собирался увилить от разговора, просто предпочел отложить его на утро.

Кроссовки и носки успели высохнуть. Натянув свежую футболку и собрав в короткий хвост кое-как подсушенные полотенцем волосы, я отправилась на поиски. Поскольку в записке все объяснялось довольно понятно, нужную дверь я нашла быстро. Пару раз стукнула по ней костяшками пальцев и тут же толкнула, не дожидаясь разрешения. Меня словно что-то подталкивало и дергало за ниточки. Любопытство и нетерпение, должно быть.

Забавно, но комната, в которой я очутилась, выглядела куда меньше моей. Впрочем, я быстро поняла почему: здесь не было другой мебели, кроме обеденного стола чуть большего диаметра, чем у меня. Похоже, директору академии не приходилось довольствоваться одним жилым помещением.

Сам Энгарт Колт расхаживал по комнате, скрестив руки на груди и низко наклонив голову, но стоило мне войти, как он тут же остановился, резко развернулся к двери, опуская руки вдоль тела, и приподнял подбородок, сурово взглянув на меня. Мгновение спустя его

губы дернулись в подобии улыбки, а взгляд смягчился.

– Доброе утро, Ника, – поздоровался он первым, поскольку я слегка зависла, рассматривая его одеяние.

То ничем не отличалось от вчерашнего, но вечером у меня и так хватило впечатлений. Сегодня же я обратила внимание, что поверх темных брюк и причудливого пуловера, Колт носит... плащ. Не знаю, какое еще слово могло бы подойти. Даже на мантию не особо похоже. Смотрелось немного странно для одежды в помещении. Хотя я тоже надела джинсовую куртку, потому что в одной футболке было бы слишком прохладно.

– Доброе утро... – отозвалась наконец я, но тут же споткнулась.

Как мне его называть? Не *папой* же, как вчера. То была скорее шпилька, потому что нельзя обращаться так к практически незнакомому человеку. Не заслужил пока. Отец? Уж нет, это будет так же нелепо, как попытка сделать какой-нибудь реверанс от современной девушки в джинсах.

– Можешь называть меня Энгард, – пришел Колт мне на помощь, одновременно делая приглашающий жест в сторону стола. – Думаю, начать с имен в нашем случае будет уместнее всего.

Кивнув, я выбрала за столом место строго напротив Колта. Сервированы были еще два, и это заставило настороженно поинтересоваться:

– Придет кто-то еще?

Хотелось, чтобы наш первый разговор прошел в приватной обстановке. К счастью, Колт обрадовал:

– Нет, мы больше никого не ждем, это стандартная сервировка. Угощайся.

Я снова кивнула, облегченно выдыхая и подкладывая под себя ногу. Мне всегда было удобнее так сидеть, но дядя порой ненавязчиво поругивался на эту позу. Колт же ее полностью проигнорировал, хотя сам сидел как какой-нибудь наследный принц: с настолько прямой спиной, что моя собственная заныла от одного вида.

Он принялся накладывать на тарелку еду, я последовала его примеру, поэтому какое-то время мы молчали. Потом я решила, что молчание затянулось, и первой подала голос:

– Ну так... Как насчет объяснений, *Энгард*?

Колт отвлекся от намазывания хлеба паштетом – весьма сосредоточенного, надо заметить, – и бросил на меня быстрый взгляд. Тяжко вздохнул и положил на тарелку и нож, и нетронутый бутерброд.

– Да, конечно... Хотя сложно решить, с чего начать.

– Давай с самого начала, что ли?

Он кивнул, упираясь локтями в поверхность стола и сцепляя в замок руки.

– Место, куда ты... попала через проход в туннеле, называется Содружеством кланов и территорий, но полное название используется редко. Обычно мы говорим просто – Содружество. Как можно догадаться, прежде это были разрозненные территории, принадлежащие разным кланам. Они объединились под руководством драконов, хотя поначалу...

– Чего? – перебила я, слегка обалдев от подобного заявления. – Драконов? Это как... в «Игре престолов», что ли?

– Не знаю такой игры, – пожал плечами Колт, никак не выказав недовольства по поводу моей ремарки. – Но все мы оборотни. Почти все... Точнее, были ими, пока не потеряли способность к обороту. Теперь названия видов – просто дань прошлому.

– Ух ты... – выдохнула я. – Так, драконы задавили всех внушительной звериной формой или исключительно авторитетом?

– Объединение произошло до потери способности к обороту, если ты об этом. И тогда предлагалось поочередное управление Содружеством. Первые двенадцать лет должны были править драконы, потом – волки, следом – медведи, затем мы...

– Мы? – снова вклинилась я нетерпеливо. – А мы кто?

Колт моргнул, глядя на меня с недоверием, словно не ожидал, что я этого не знаю.

– Горгульи.

Я скривилась, вспомнив мерзких каменных тварей на стенах замка.

– Хорошо, что мы больше не оборачиваемся... Подожди, разве горгульи существуют? В смысле... Волки и медведи – с ними все понятно, даже с драконами понятно, но горгульи... Это же каменные изваяния!

На его лице что-то изменилось, в глазах на мгновение вспыхнул недобрый огонь, который Колт поторопился погасить, сильно стиснув зубы. Кажется, я прошлась по больному...

– Горгульи прежде были не менее реальны, чем драконы. Кстати, мы считаемся дальними родственниками, хотя драконы и не любят, когда этот факт упоминается.

– Ладно, – протянула я, решив, что лучше не буду пока углубляться в тему. В конце концов, я о другом хотела узнать. – Значит, сначала править должны были по очереди, но потом что-то пошло не так?

– Что-то пошло не так в тот момент, когда другие кланы доверились драконам, – фыркнул Колт, и я заподозрила, что это тоже большая тема. – Круг правления прошел по кланам всего один раз, после чего застрял на драконах... на последние триста лет.

– И всем... норм? В смысле, восстаний и междоусобиц не возникает?

– Драконы – по-прежнему один из самых сильных, влиятельных и состоятельных видов среди нас, – вздохнул Колт. – Горгулий почти не осталось, волчьи и медвежьи кланы слишком много грызутся между собой за территории, русалки и дуалы живут обособлено, им вообще все равно, кто правит... Люди... В смысле, те, кто никогда не был способен к обороту, а порой и к магии, и вовсе слишком слабы и разрознены. В целом, Содружество давно смирилось с правлением драконов. Да и чем больше поколений проходит без оборота, там условнее становятся наши названия.

– Ясно, – кивнула я, потянувшись за чайником, в котором обнаружился весьма душистый черный чай. – И занимательно. Но мне гораздо интереснее другое. А именно: какого черта ты бросил нас с мамой? Почему до недавнего времени мне втирали, что ты умер? Как ты вообще умудрился оказаться в нашем мире?

Колт снова вздохнул, у него даже плечи слегка поникли, словно своим вопросом я уронила на них бетонную плиту. Однако и в этот раз он быстро справился с собой, расправил плечи и тихо признал:

– Так давно все это было...

– Да уж, лет двадцать назад, – фыркнула я раздраженно. – Только не говори, что забыл, как попал в чужой мир и заделал там ребенка.

– Нет, конечно, не забыл, – нахмурился Колт. – Но все это... сложно будет объяснить.

– А ты попробуйся.

Он уставился в какую-то одному ему видимую точку в центре стола, побарабанил пальцами по темному дереву и наконец начал:

– Я тогда был солдатом, и у нас шла война с некромантами. В тот день я отбилсЯ от отряда, мертвецы загнали меня в угол... точнее, в известный тебе туннель. Из-за ранения сражаться достойно я уже не мог, мне оставалось только прятаться, но с мертвецами шел и один из некромантов, а от них особо не спрячешься. Быстро стало понятно, что второй выход из туннеля завален. Это был тупик. И должно было стать моим концом, но я не хотел с этим смириться. Я заходил все глубже, продолжая нащупывать магией путь, и в итоге прошел через своего рода портал. Откуда он там взялся и почему открылся мне, но не моим преследователям, – до сих пор не знаю. Быть может, отчаянная вера в то, что выход должен быть, открыла мне дверь. Или так было назначено судьбой. Как бы ни было, я вышел с другой стороны. Увидел Лелю и Глеба, после чего отключился.

Я вспомнила, как дядя рассказал, что они с мамой в юности тоже любили лазить по запретным местам. Представила, как они, будучи чуть старше меня, находят заброшенный туннель, собираются исследовать, а им навстречу выползает мужик в крови. Наверное, я бы сразу развернулась и побежала прочь так быстро, как только смогла. Примерно так мы и поступили однажды с приятелями, обнаружив на одном из объектов каких-то мутных не то бродяг, не то наркоманов. Разбираться не стали.

А мама с дядей, значит, решили бедняге помочь.

– Они тебя в больницу отволокли?

– Не совсем. Отвезли в какой-то дом в почти пустой деревне. С ними тогда был приятель-лекарь. Как мне потом объяснила Леля... твоя мама... Я показался ей странным, документов при мне не было, а ранения явно намекали, что я с кем-то серьезно повздорил. Она побоялась, что у меня возникнут проблемы с местным законом, поэтому решила действовать неофициально. И остальных убедила, что так будет лучше.

– Рискованно, если ты действительно был серьезно ранен. Мог ведь и помереть.

Колт неожиданно улыбнулся.

– Я живучий. Наверное, если бы тот приятель не смог помочь и стало хуже, они все же отвезли бы меня в больницу. Но мне всего-то и нужно было, что перевязать раны и дать немного покоя. Остальное тело сделало само. Но какое-то время твоя мама меня выхаживала. Подолгу была со мной, мы много разговаривали...

– Интересно, как? – буркнула я мрачно. – Парень, которого ты прислал за мной, молчал, пока мы не оказались здесь. В истинном мире, как он выразился. Мол, только здесь все говорят на одном языке, а на изнанке мы бы друг друга не поняли.

– Он просто поленился применять магию на вашей стороне. Дело не в истинности мира. На всю территорию Содружества наложены соответствующие чары, чтобы разные кланы и виды могли без проблем понимать друг друга. Это было необходимо для объединения. Но тот, кто знает, как работает эта магия, может применить ее в любом месте. Даже в вашем мире.

– Предположим. – Я пытливо посмотрела на него. – Но, полагаю, вы с мамой не только разговаривали, потому что от разговоров дети не рождаются.

Колт наконец оторвал взгляд от невидимой точки и спокойно встретил мой.

– Между нами ничего не было. В тот раз. Я позволил себе только поцеловать ее, когда уходил.

– Уходил?

– Ну, война никуда не делась, я все еще оставался солдатом и не мог просто остаться. Как только достаточно окреп, вернулся к туннелю и нашел проход обратно в свой мир.

– Очевидно, история на этом не закончилась.

– Очевидно, – все так же спокойно согласился Колт. – Я думал о Леле практически постоянно. Она снилась мне. Меня с такой силой влекло к ней, что как только появилась возможность, я снова пошел к туннелю. Правда, не знал, как найти ее на другой стороне. Туннель и почти покинутая деревня – все, что я знал в вашем мире. Поэтому вернулся в дом, где меня лечили, и провел там два дня в надежде, что Леля заглянет. На третий она действительно пришла.

– И ты позволил себе больше, чем просто поцелуй?

Колт снова отвернулся и кивнул.

– Я не мог этому противостоять. Да и не хотел. Она была... необычной. Другой такой я никогда не встречал.

– Ты любил ее? – спросила я в лоб, сверля отца взглядом и не зная, какой ответ хочу услышать. Мне казалось, я швырну в Колта что-нибудь тяжелое, если он скажет «нет», и заору благим матом, если услышу «да».

– Как больше никого и никогда.

Пожалуй, этим вариантом ему удалось сбить меня с воинственного настроения. Я даже немного растерялась, потому что слова прозвучали неожиданно искренне и как-то... чувственно. В самое сердце кольнуло знакомой болью, которая появлялась всегда, когда я думала о маме. И только тогда, когда я думала о ней. В его голосе прозвучало эхо этой боли.

– Так почему ты бросил ее? Почему бросил нас обеих? Не был готов к ребенку и семейной жизни?

– Повторюсь: у нас шла война, – холодно отозвался Колт, всякая иллюзия эмоций исчезла из его тона. – А я оставался солдатом этой войны. Я не мог притащить сюда любимую женщину и новорожденную дочь, потому что все равно не смог бы ни остаться с вами, ни защитить. У меня даже дома тогда не было, вас негде было бы поселить.

– А вариант остаться в нашем мире ты совсем не рассматривал?

На его лице промелькнуло такое оскорбленное выражение, словно я спросила, не надевает ли он время от времени женское платье и белье.

– Дезертировать? Нет, это мне не приходило в голову. Мы с твоей мамой, конечно, обсуждали, как быть, в каком мире жить, но только после войны. Леля была готова уйти со мной, возможность возвращаться и навещать родных у нее оставалась. Но война затягивалась. Время шло. А потом Леля заболела... И умерла раньше, чем война закончилась.

– Мне было три года, когда ее не стало, – процедила я, дрожа от накатившей злости. – Вы так долго воевали?

– Слишком долго.

– А потом? Почему ты не забрал меня *потом*? Почему повесил на шею дяде с тетей?

Наши взгляды снова встретились. Я смотрела на Колта с вызовом. Примерно так, как мечтала с тех пор, как заподозрила, что он на самом деле жив: с немым укором. Потому что ничего другого человек, бросивший меня ради собственного удобства, не заслуживал. И вся эта история с войной... Готова поспорить, что он просто вешал маме лапшу на уши, заставляя ждать, когда рак на горе свистнет. Это ведь удобно, когда новостей из другого мира нет, говори что хочешь.

– Я виноват перед тобой, Ника, признаю. Тогда это казалось правильным решением – оставить тебя там. Я подумал, твой дядя лучше справится с ролью отца, ведь у него уже был ребенок.

– И ты был чертовски прав! – вырвалось у меня. – Он был классным папкой. Поэтому, как только появится возможность, я хочу вернуться к нему. Ясно?

Последние слова вырвались как-то сами собой, я не собиралась говорить ничего подобного. Меня интриговал этот мир. И магия. И драконы. Даже горгульи. И мужчина, которого я видела накануне: хотелось научиться держать огонь голыми руками, как он. И выяснить, что за символы вспыхнули на его запястьях. Здесь было столько интересного!

И да, я хотела узнать лучше родного отца. Потому что узнать маму я уже никогда не смогу, а этот родитель хотя бы оказался жив в итоге. Наверное, каждый брошенный ребенок мечтает однажды найти того, кто его бросил, и показать, как он был неправ. И мне тоже хотелось.

Но злость, с которой я жила все эти годы, никуда не делась. И сейчас она заклокотала во мне с новой силой.

Колт так долго смотрел мне в глаза, что я едва не опустила взгляд.

– Ясно, – кивнул он и отвернулся первым. – Глеб будет держать меня в курсе расследования, но главная проблема не в том, что тебя могут обвинить в тройном убийстве. Надеюсь, ты это понимаешь.

– А в чем?

– В том, что на тебя напали, – произнес он таким тоном, словно говорил с неразумной пятилеткой.

И именно так я себя почувствовала, когда услышала это. Потому что в последние дни почти не думала об этом факте. Не хотела думать.

– На тебя напали, но кто-то убил нападавших. По крайней мере, так все выглядит. А еще у тебя появилась печать, значит, моя кровь все-таки проснулась. И если ты не пройдешь инициацию, не научишься управлять магией, это может со временем плохо закончиться.

– Какая еще печать? – в ужасе переспросила я, потому что после этих слов уже не особо вникала в сказанное. – Где появилась? Почему ты об этом знаешь, а я нет?

Колт вновь выглядел удивленным, как будто моя неосведомленность стала для него еще одним сюрпризом.

– Вот здесь, – он коснулся собственной шеи. – У основания. Ты не видела? И не почувствовала?

Я, конечно, тоже потянулась рукой к указанному месту, и нащупала в районе седьмого позвонка какие-то неровности. Вообще-то, моясь в душе после ночного происшествия, я что-то такое ощущала, но сочла сыпью или выступившими прыщами. Случается время от времени. У меня были заботы поважнее кожных дефектов – ну там, три исполосованных трупа, рядом с которыми я очнулась.

Теперь же мне требовалось срочно взглянуть, что у меня там такое появилось. Обведя комнату взглядом, я заметила ближе к выходу зеркало, подскочила и бросилась к нему, спуская с плеч куртку и оттягивая ворот футболки. Однако оказалось, что невозможно изогнуться перед зеркалом так, чтобы увидеть в отражении основание собственной шеи.

Зато я увидела, как ко мне приблизился Колт. Ему, вероятно, тоже хотелось взглянуть на печать. Было странно почувствовать его прикосновение, ведь он все еще оставался для меня практически незнакомцем, а я не очень-то люблю прикосновения незнакомцев. Поэтому я проворно вырвалась, повернувшись к нему с весьма воинственным, как мне хотелось думать, видом.

Колт с улыбкой протянул небольшое зеркало, с помощью которого можно было

посмотреть на печать в двойном отражении, что я и поторопилась сделать, буркнув невнятное «спасибо».

– Обычно такие печати появляются у детей нашего мира на первом году жизни. Даже у магических полукровок... То есть, у кого один из родителей не владеет магией. Но у тебя этой печати не было ни в год, ни в три, ни почти в пять.

– Да ее еще недели назад не было, – пробормотала я, разглядывая в отражении выступающий на коже рисунок, отчасти похожий на безболезненный след от ожога, отчасти просто на раздражение. Но линии складывались в некий рисунок, заключенный в круг. – Я бы заметила, появись она раньше. Или кто-нибудь другой заметил...

Я осеклась, вспомнив, как дядя «завис», пляясь на мою спину, прежде чем оставить меня в ванной одну. Вот что он увидел! И, очевидно, знал значение печати, поэтому и связался с моим отцом... как-то.

– Я решил тогда, что ты не унаследовала мою магию...

– Или что я не твоя дочь? – вырвалось у меня.

В принципе, это многое объяснило бы. Как минимум то, что он слился из нашей жизни. Колт после непродолжительного молчания покачал головой.

– Нет, такой мысли у меня не возникало. Я списал это на то, что ты родилась в другом мире. В мире, практически лишенном магии. Даже моя там едва работала. Возможно, это действительно стало причиной столь позднего проявления печати. Но раз магия проснулась, тебе нужно научиться с ней жить, пока она не начнет бесконтрольно фонтанировать. А мне надо найти способ выяснить, что произошло в ту ночь, когда на тебя напали. И действительно ли те люди напали на тебя или все это какая-то нелепая случайность. Когда я буду уверен, что тебе не угрожает опасность, ты сможешь вернуться к дяде с тетей. Если захочешь.

– Какая трогательная забота о моем благополучии, – не удержалась я от язвительного замечания, все еще поглаживая кончиками пальцев печать, но уже не рассматривая ее в отражении.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но твое благополучие для меня имеет значение, – заметил Колт, принимая обратно зеркало. Куда оно делось после, я так и не поняла, но через пару секунд руки отца были свободны. – В конце концов, ты мой единственный ребенок.

– Я давно не ребенок, – снова огрызнулась я. – С этим ты опоздал.

– Да, я понимаю, – кивнул Колт, и в его голосе снова послышалась горечь. Померещилось, должно быть.

– Значит, ты все-таки не против, чтобы я училась в твоей академии? – уточнила я на всякий случай, заодно меняя тему. – Оказывается, мне это даже нужно?

– Справляться с магией на бытовом уровне мы научили бы тебя и так. Без спешки и давления. Но чтобы начать обучение на первом курсе с этой осени, тебе придется потрудиться летом. И потом, скорее всего, тоже будет непросто. Но если ты действительно хочешь...

– Уж определенно больше, чем замуж в вашем отсталом мире, – буркнула я. – У вас, наверное, до феминизма еще как до луны.

– До чего? – нахмурился Колт.

– Что и требовалось доказать, – вздохнула я, театрально закатив глаза.

Он не стал просить объяснить странное слово, лишь деловито заявил:

– Что ж, тогда начнем с решения самых срочных бытовых вопросов, вечером проведем

инициацию, а завтра составим расписание твоих летних занятий...

– О, расписание... – протянула я тоскливо. – Обожаю расписания.

Колт улыбнулся.

– Постараемся сделать так, чтобы у тебя оставалось свободное время. Хотя тратить его здесь особо не на что. Разве что на походы в город...

– И осмотр замка, – не удержалась я. – На одно это половина лета уйдет.

– Если тебе интересно, – равнодушно пожал плечами Колт.

Конечно, он здесь, должно быть, давно живет, а мне все в новинку. Я никогда не жила в замке! Только в кино и на картинках их видела.

– Но держись подальше от закрытой части, в ней все обветшало и находиться там небезопасно. И да, имей в виду: к колоколу тебе следует всегда возвращаться, а звонит он за час до полуночи. Полагаю, ты слышала вчера?

Я кивнула, вспоминая, как нервничал провожатый и торопился кучер. Боялись, что их не пустят? Или боялись чего-то другого?

– А что будет, если я опоздаю? Меня не пустят?

– Увы, – Колт развел руками. – В таком случае необходимо найти ночлег в городе. Ни в коем случае не стоит оставаться после одиннадцати на улице, это может быть опасно. Тебе также стоит знать, что ходить в Мертвый лес запрещено законом.

– А где он?

– Обязательно тебе покажу. Но давай сначала закончим завтрак?

Я кивнула, стараясь не смотреть ему в глаза, чтобы случайно не выдать собственные мысли. Ведь с каждым упоминанием, чего нельзя делать, мой список того, что обязательно нужно попробовать в жизни, увеличивался ровно на один пункт.

За тем же завтраком Колт сообщил, что решением бытовых вопросов займется Мелиса. Ей же предстояло обучать меня азам владения магией. Эти заявления вновь заставили злость поднять голову. Хорош папаша! Так и норовит переложить ответственность за чадо на кого-нибудь другого. Прежде это хотя бы был родной дядя, а теперь Колт решил скинуть меня на свою любовницу, пока не удастся сбагрить гипотетическому мужу?

– А ты типа очень занят, да? – уточнила я, стараясь вложить в тон побольше яда.

Колт невозмутимо посмотрел на меня через стол.

– Сейчас меньше, чем обычно, поскольку летом в замке почти никого нет, но дело не в моей занятости. Я просто подумал, что некоторые потребности тебе будет проще обсуждать с женщиной, чем со мной. И она гораздо больше может продумать и предугадать наперед. А что касается обучения... Мелиса преподает в академии теорию магии, поэтому сможет нормально объяснить, как все работает. Я больше практик.

– То есть ты не преподаешь? – уточнила я, чуть сбавив тон. Его доводы прозвучали вполне разумно.

– Преподаю, но мой предмет тебе еще нескоро понадобится. Если вообще понадобится, потому что далеко не все его изучают.

– И что же это?

– Подумай сама, – сдержанно улыбнулся Колт. – Я был солдатом. Что я могу преподавать? Конечно, боевую магию.

Да, мне следовало догадаться.

Мелиса занялась мной сразу после завтрака, заявив, что лучшее начало дня – это поход по магазинам. Я не могла поспорить, хотя шопинг в *истинном* мире несколько отличался от привычного. Здесь не было огромных торговых центров, полных света, красивых витрин, музыки и сопутствующих развлечений.

Мы отправились в тот самый городок, что находился рядом с замком. Сейчас он выглядел поживее, чем в вечер накануне, но все равно производил весьма удручающее впечатление. Магазинов здесь было не так чтобы много, а в имеющихся мне не сразу удалось бы сориентироваться. Поэтому помощь Мелисы оказалась действительно очень кстати: она знала, куда идти и что там искать.

– Я так понимаю, ты не поклонница платьев? – поинтересовалась она, окидывая меня изучающим взглядом и то ли недоумевая по поводу одежды, то ли просто прикидывая размер.

– Скорее, противница, – фыркнула я. – Не ношу их, кажется, лет с десяти.

– Ну, здесь время от времени придется, – «обрадовала» меня Мелиса, заводя в один из магазинов. – На всяких официальных мероприятиях, где того требует этикет.

– А в повседневной жизни я смогу одеваться как вы?

Я скользнула выразительным взглядом по ее облачению, которое сегодня мало чем отличалось от вчерашнего. Разве что туника, надетая поверх облегающих штанов, выглядела более нарядной и была подхвачена кожаным поясом. В целом меня устроил бы такой вариант. Во всяком случае, гораздо больше, чем платье с корсетом. Вроде того, что предстало перед нами, едва мы вошли в магазин.

– Ты сможешь носить даже собственную одежду. В академию приезжают учиться из

всех уголков Содружества представители разных кланов. У всех свои обычаи и требования к внешнему виду, которые принято взаимно уважать. И никто не собирается скрывать, что ты родилась и выросла на изнанке мира. Такое просто не скроешь.

– Значит, это никого не шокирует? Все в курсе, что есть другой мир? – удивилась я, оглядываясь по сторонам.

В магазинчике не было привычных рядов вешалок с моделями и размерами. Вещи были представлены в единственном виде, большинство надето на деревянные болванки, выполняющие функции манекенов, другие висели на вешалках, но кое-что лежало и на полках. На звякнувший под потолком колокольчик нам навстречу вышла женщина средних лет и улыбнулась приветливо и немного заискивающе. Сама она была одета в простенькое платье с подолом в пол, высоким воротом и длинными рукавами, но на нас посмотрела без осуждения. Моя одежда вызвала у нее скорее профессиональное любопытство.

– Разговоры об изнанке мира ходят давно, – пояснила тем временем Мелиса, – но далеко не всем открываются порталы на ту сторону. И уж тем более мало кто решается туда отправиться. Потому что, вообще-то, это запрещено законами Содружества.

– Вот как? – Я встревоженно посмотрела на нее. – А как же?..

– Энгарду можно, – улыбнулась она. – Ему многое можно. Так что? Смотрим только варианты со штанами? Или пару платьев тоже примеришь?

Оговорка о Колте меня заинтриговала, но резкая смена темы дала понять, что развивать предыдущую Мелиса не станет. Поэтому, как бы ни было любопытно, пришлось сосредоточиться на выборе одежды. От платьев я решительно отказалась, чем, кажется, все-таки огорчила продавщицу. Тем не менее та покорно принесла нам несколько вариантов штанов и туник разной степени изысканности.

Пока услужливая продавщица подбирала что-то в задней части магазина, я призналась своей спутнице, что местная мода для меня – огромное облегчение и удача, поскольку ходить в платьях до пола я просто не смогла бы.

– Скажи спасибо, что тебя не забросило на территории драконов или людей, – фыркнула в ответ Мелиса. – Там женщины штаны практически не носят. Исключения делаются только для боевых магов, если они того желают. А мы на территории, исторически принадлежавшей горгульям. И хотя теперь их тут осталось немного, прежняя мода и традиции все еще определяют местный быт.

– А вы не горгулья? – осторожно уточнила я, выглядывая из примерочной. В противном случае она сказала бы не «их», а «нас».

– Нет, я человек. Из магов, но мой род никогда не имел оборотной формы.

– А как вы тогда оказались здесь? Как познакомились с Колтом? Он сказал, что вы близкие друзья...

По ее губам скользнула кривая ухмылка. Мелиса скрестила на груди руки, глядя мне прямо в глаза.

– Полагаю, ты хочешь узнать, сплю ли я с твоим отцом? Нет, не сплю. Уже давно. С тех пор как мы развелись пять лет назад. Но и за три года нашей семейной жизни это произошло лишь однажды, в самом начале. В противном случае брак могли признать фиктивным и расторгнуть.

Наверное, у меня был очень обалдевший вид, поскольку, глядя на меня, она тихонько рассмеялась.

– Восемь лет назад я порвала с семьей и осталась без покровительства рода. В нашем

мире для женщины это чревато серьезными проблемами. Да и для мужчины бывает непросто. Энгард пожалел меня. Сначала пустил в свой дом, потом женился, чтобы дать защиту. Три года – достаточный срок, чтобы жена стала частью семьи, даже если нет общих детей. После мы развелись, получив возможность устраивать жизнь так, как захочется. Я все равно считаю его родственницей, но совершенно свободна в общении с другими мужчинами. И мы действительно хорошие друзья. Поэтому в повседневной жизни можешь обращаться ко мне по имени и на «ты». Но когда начнется учебный год, не забудь, что в аудитории я для тебя профессор Колт.

– Вы... Ты поэтому живешь в его башне? – уточнила я, просто чтобы хоть как-то ответить.

– Да. И если тебя это волнует: никто другой там не живет.

– То есть у него никого нет?

– Наверное, кто-то бывает, – вздохнула Мелиса. Ее взгляд стал задумчивым и немного печальным. – Но за восемь лет нашего знакомства, я ни разу не видела рядом с ним ту, что имела бы значение.

Возможно, этим она хотела подтвердить слова Колта о том, что после моей матери он не любил никого и никогда, но для меня прозвучало иначе. Быть может, он и вовсе не способен любить?

Мы зашли еще в пару магазинов, после чего заглянули в аптеку. Как оказалось, мыла, шампуни, крема и всякое такое прочее продавалось только там. Мелиса заодно посоветовала несколько медицинских зелий для ситуаций вроде головной боли, расстройства желудка или простуды.

– А как у вас с контрацепцией? – ляпнула я.

Не то чтобы этот вопрос для меня действительно относился к животрепещущим, просто интересно стало. И наверное, мне самую малость хотелось шокировать или хотя бы смутить наставницу. Однако та отнеслась к вопросу совершенно спокойно и добавила к покупке пару бутылочек, пояснив:

– Это для разных ситуаций, посмотришь на этикетке. Но если все-таки хочешь однажды удачно выйти замуж в Содружестве, рекомендую не разбрасываться невинностью.

– Боюсь, об этом уже поздно волноваться, – тихо призналась я. И добавила в ответ на ее вопросительный взгляд: – В колледже меня тянуло на эксперименты, а вокруг было много весьма симпатичных парней. И с этим делом у нас как-то не принято тянуть до свадьбы.

Мелиса кивнула в знак если не одобрения, то хотя бы понимания, и философски изрекла:

– Значит, вычеркиваем из списка претендентов драконьих аристократов. Они крайне щепетильны в этом вопросе. Впрочем, не думаю, что кто-нибудь из них в нашем воображаемом списке когда-либо мог быть.

– Почему? – поинтересовалась я вновь исключительно из природного любопытства, ведь замуж не собиралась. Ни за драконов, ни за аристократов, ни за кого-либо еще.

– Драконы предпочитают создавать пары внутри своего вида. Да и к мезальянсам весьма неодобрительно относятся. А как бы ни был известен Энгард, как бы ни было высоко сейчас его положение и велико состояние, для них он просто низкородный служака.

– А Колт известен?

– Он герой войны, – лаконично пояснила Мелиса. И вновь это прозвучало так, что сразу стало понятно: развития темы не будет.

Что ж, как минимум война у них действительно была, папаша не соврал.

В замок мы вернулись налегке: оказалось, что таскать покупки с собой здесь не принято. По крайней мере, среди обитателей замка. Все приобретенное нами упаковывалось, подписывалось, а позже доставлялось с посылными. Весьма удобно.

Вечером того же дня, как и планировалось, я прошла инициацию. Признаюсь, звучало это страшнее и значительнее, чем выглядело в реальности.

Незадолго до ужина Мелиса привела меня в кабинет, где мы встретились с Колтом впервые. Он уже ждал нас. На каменном полу я обнаружила заключенное в круг изображение крылатого и весьма ушастого монстра – горгульи. Чем его нарисовали, я не поняла: линии были темными, тонкими и гладкими. Сначала я предположила краску, но рисунок принялся светиться, переливаясь всеми цветами радуги, стоило Колту войти в круг. А когда я по его распоряжению встала рядом, линии вспыхнули еще ярче.

– Возьми меня за руки.

Я осторожно коснулась протянутых ладоней, и Колт сразу крепко сжал мои руки своими. А потом что-то забормотал, прикрыв глаза, но я никак не могла разобрать. Лишь почувствовала, как ладоням стало тепло, следом появилось легкое покалывание. Вскоре это ощущение прокатилось по всему телу, и в конце концов сконцентрировалось в районе седьмого позвонка, на мгновение став таким интенсивным, что я поморщилась от незначительной боли. Через секунду все исчезло, а линии рисунка на полу погасли.

– Вот и все, – констатировал Колт, разжимая пальцы и отпуская. Теперь мы смогли покинуть круг.

Мелиса поздравила с инициацией, а я почувствовала легкое разочарование. Потому что по ощущениям совсем ничего не изменилось.

Лишь чуть позже, во время совместного ужина, Колт с Мелисой показали в двойном зеркальном отражении, что моя печать у основания шеи стала другой: явственнее проступил рисунок, аналогичный изображению на полу в кабинете, и все это стало больше похоже на изящную татуировку. Насколько вообще может быть изящным изображение столь мерзкой твари, как горгулья.

Так и началось это лето, которое должно было стать первым летом моей по-настоящему взрослой жизни, а стало в итоге началом жизни совсем новой.

Мое повседневное расписание довольно быстро устоялось. В первой половине дня я обучалась владению магией с Мелисой, и занятия эти завершались совместным обедом. Она же взяла на себя труд объяснять кучу бытовых мелочей. Например, откуда на нашем столе берется еда.

– Это домовые. Они и готовят, и подают, и убирают. Следят за чистотой и каминами. Показываться людям и оборотням не любят, поэтому их никто не видит. Только Энгард общается с их старшим, когда появляется необходимость обсудить организационные нюансы.

– То есть, он знает, как они выглядят?

– Их внешний вид – вопрос по-прежнему дискуссионный, – улыбнулась Мелиса. – Поскольку люди отчего-то описывают их по-разному. Возможно, домовые используют маскировочные чары, чтобы никому из чужих не открывать истинный облик.

Я решила, что буду представлять этих загадочных существ вроде домовенка Кузи из детского мультфильма.

Во время занятий я поняла, что ни водопровода, ни электричества в истинном мире пока не изобрели. В домах попроще использовали огонь и для освещения, и для обогрева, и для приготовления пищи, а воду таскали из колодцев. Дом состоятельных людей можно было узнать по наличию магически заряженных артефактов. Например, маленьких светящихся шариков из стекла, которые использовались в люстрах (аналог лампочек). Или ванн и раковин, самостоятельно наполняющихся водой и опустошающихся. Сюда же относились и самоочищающиеся ночные горшки. Оказалось, что всем этим могут пользоваться даже люди, полностью лишённые магии, но им приходится время от времени «подзаряжать» предметы у магов. Вокруг бытовых удобств строилась целая индустрия, но я решила оставить этот вариант карьеры на крайний случай: менять обычный мир на магический, чтобы заряжать ночные горшки, казалось не слишком привлекательным.

Душ, кстати, тоже работал на магии, но чуть более сложной.

– Это двойная пространственная магия, – пояснила Мелиса. – Вода одновременно появляется в верхней части и исчезает в нижней. Ещё и подогревается. Такие вещи могут позволить себе или маги, или очень состоятельные люди, имеющие возможность держать мага в штате домашней прислуги.

Все это было исключительно занимательно и любопытно, а Мелиса к тому же действительно очень легко и доходчиво объясняла. Вероятно, поэтому в обучении я делала успехи. И судя по реакции Колта, когда он узнавал о моих результатах, те превосходили его ожидания, что заряжало меня ещё большим энтузиазмом. Хотя его и так хватало. Пусть я никогда не блистала аттестатом или дипломом с бесконечным рядом аккуратных пятерок, дурой меня тоже не назвать. Я всегда ленилась в отношении неинтересных мне дисциплин, практическую пользу которых не видела. Никогда не зубрила просто ради хорошей оценки. Но то, что меня интересовало, могла изучать часами. А если предмет был хорошо понятен, то и пятерки случались. Особенно в колледже.

С магией у меня как-то сразу сложилось. Оказалось, что это не сложнее программирования, в чём-то даже очень похоже. Главное – понимать логику составления

заклятий и знать, из чего они состояются. Причем вариантов было несколько: разные кланы и территории в прежние времена использовали разные подходы к решению задач, да и задачи у них порой отличались. В итоге возникло множество школ, которые потом перемешались. Одни продолжали развиваться, другие отмерли. Маги выбирали углубленное изучение одной школы или практиковали сразу несколько подходов к колдовству. Все это немного напоминало работу с разными языками программирования. И поскольку с логикой у меня проблем не наблюдалось, оставалось только изучить парочку местных школ на достаточно хорошем уровне. Остальное – дело техники. Вот над техникой – вложением силы в заклятия – приходилось попотеть, но похвалы Мелисы и искреннее изумление Колта так вдохновляли, что я очень старалась.

С новообретенным отцом я общалась не так уж много. Мы неизменно ужинали вместе: иногда вдвоем, иногда в компании Мелисы. Изредка он присоединялся к нам за обедом, если приходил на занятия – узнать мой прогресс. Однако даже когда мы оставались наедине, у нас не складывалось разговора по душам. Мы все больше молчали, лишь иногда обсуждая или занятия, или бытовые мелочи, или вовсе отвлеченные темы. Никаких подробностей о его отношениях с мамой или решении оставить меня с дядей я так и не услышала.

О войне и о себе Колт тоже предпочитал не говорить. Мне удалось узнать лишь то, что после полной и безоговорочной победы Содружества он еще какое-то время служил, а примерно десять лет назад ему был дарован замок, принадлежавший когда-то одному из горгульих принцев, чей род давно угас. Впрочем, дарован – громко сказано. Колт не имел права использовать его по своему усмотрению. Здесь уже несколько десятилетий находилась одна из академий Содружества, так и должно было оставаться. Колт ею и управлял, и владел, очевидно, получая неплохой доход.

– А почему ты директор? – спросила я как-то за ужином. – Разве главный в академии не ректор?

– Политика, – равнодушно пожал плечами Колт. – Когда меня ставили во главе академии, ректоры других учебных заведений возмутились. Они все сплошь аристократы и ученые мужи, а я военный, к тому же горгулья...

– Это плохо? – напряглась я. – Быть горгульей?

Он одарил меня пронзительным взглядом и уверенно заявил:

– Это прекрасно – быть горгульей. Но наша аристократия была истреблена века назад. Поэтому всякие напыщенные идиоты, вроде драконов, кичащиеся собственным происхождением, смотрят на нас свысока. И хотя сами драконы и наградили меня этим замком и должностью за службу Содружеству, против возмущения они не пошли. Но и ломать традиции, лишая Замок Горгулий статуса академии, не стали. Поэтому я директор, надо мной стоит формальный ректор... Точнее, стоял все эти годы. Недавно его... он умер, а нового так и не назначили пока. Честно говоря, мне все равно, как называться, пока в мои дела никто не лезет.

– Но новый ректор теоретически может влезть?

И снова через стол прилетел такой убийственный взгляд, что стало не по себе.

– Пусть попробует.

На этом тема как-то сама собой закрылась.

Когда Мелиса присоединялась к нам, становилось немного веселее: ее присутствие оживляло беседу, хоть и не делало ее более личной. Зато гнетущей тишины становилось меньше. Мелиса умела поддерживать непринужденную беседу и вовлекать в нее

окружающих. Как я поняла, она как раз относилась к какой-то магической аристократии, но после разрыва с семьей потеряла все привилегии. О своей истории она тоже предпочитала помалкивать и вела себя так, словно совершенно не переживает. Возможно, так и было, все-таки восемь лет прошло.

Мне казалось странным, что она так и не вышла замуж, ведь Колт, как я поняла, освободил ее от уз договорного брака именно для того, чтобы она смогла вступить в нормальный. Очевидно, проблем возникнуть не могло, но она что-то не торопилась. Возможно, предпочитала свободу. Или любила кого-то, кто не отвечал взаимностью. Я каждый раз внимательно наблюдала за ее общением с моим отцом, но так и не заметила ничего романтического ни с одной из сторон.

А рядом с Колтом действительно не было видно никого другого.

Для меня это мало значило. Мама умерла много лет назад. Даже если бы Колт был ей настоящим мужем, а мне – отцом, он имел бы право устроить свою жизнь с другой женщиной. Требовать от него уйти в монахи как минимум нелогично, а я уважаю логику. Но мне и так предстояло привыкнуть к мысли, что у меня есть отец. Привыкать еще и к мачехе – уже слишком. Да и, честно говоря, часть меня – та злая часть, что порой все портила, – не возражала, если бы все эти годы мой горе-отец страдал в одиночестве. Только я очень сомневалась, что он в нем действительно *страдал*.

Во второй половине дня Мелиса обычно занималась своими делами, а я была предоставлена сама себе. Мне выдали внушительную стопку книг по истории истинного мира, Содружества, кланов оборотней и человеческих территорий, предполагалось, что я должна их читать, но нудные тексты навевали на меня тоску и усыпляли. Осилев для приличия пару страниц, я отправлялась бродить по замку и его окрестностям.

Как и обещал, Колт показал, где находится Мертвый лес. Выглядел тот, кстати, вполне обычно, живенько так, но попасть туда не представлялось возможным. Деревья немного не доходили до замковой стены, а по той регулярно шаталась охрана, спрятаться от их взглядов было негде. Возможно, ночью стражники следили менее пристально, да и темнота могла помочь, но после одиннадцати все входы и выходы перекрывались. Да и не настолько я лихая, чтобы бросаться в подобные авантюры ночью без надежного напарника. Оставалось лишь любопытствовать:

– Все-таки почему туда нельзя ходить?

– Там заканчивается территория Содружества, – пояснил Колт.

– То есть... там граница? Так близко?

– Да.

– И она никак не охраняется?

– Почему же? Там дежурят патрули миллиты. Переходить на другую сторону – противозаконно, поэтому за пересечение границы тебя могут арестовать.

Я кивнула, хотя это и показалось странным. Миллита – что-то вроде местной полиции. Возможно, с чуть большими полномочиями, раз охраняют границу. Но по идее они должны предотвращать незаконные пересечения *оттуда*. Впрочем, Колт мог иметь в виду, что меня арестуют в момент возвращения с чужой территории. Но почему он ни слова не сказал о том, какое наказание нелегала ждет в соседнем государстве?

Расспрашивать я не решилась: это могло выдать мое желание однажды наведаться в запретную зону.

Несколько раз я доходила в одиночестве до города. Гуляла по узким улочкам,

рассматривала дома, витрины немногочисленных магазинов, людей. Местечко выглядело весьма депрессивно, хоть и занимало приличную территорию. Многие дома пустовали, некоторые и вовсе были заколочены. Люди казались не очень приветливыми и пялились на меня, даже когда я облачалась в приобретенную здесь одежду. Лишь в третий визит стало понятно, что я вызываю интерес не внешним видом, а фактом родства с Колтом, о котором все уже знали.

Выяснилось это, когда румяная хозяйка пекарни принялась зазывать на свежее испеченный калач с кружкой молока. Я ответила, что у меня нет при себе денег, а она лишь махнула рукой.

– Так я на счет господина директора запишу, он потом оплатит. За дочку-то...

Было так странно слышать, как меня называют чьей-то дочкой, что я сразу согласилась. Колт явно не обеднеет, если я перекушу за его счет. Все равно я сейчас на его обеспечении, он мне серьезно задолжал за первые восемнадцать лет жизни. Сомневаюсь, что папаша платил алименты на мое содержание.

Но после того случая желание ходить в город отпало. Стало понятно, насколько я там на виду, а это немного неприятно. Мне больше нравилось оставаться в тени. Поэтому чаще всего я проводила свободное время, исследуя замок.

Конечно, больше всего интересовала закрытая часть, но попасть в нее тоже оказалось весьма проблематично. Это была одна из самых старых построек, а возможно, и вовсе первая. Немногочисленные входы надежно запирались, по крайней мере те, что нашла я. Но помимо очевидных проходов, в замке встречаются и скрытые, поэтому лазейка вполне могла существовать. Мне не надоедало ее искать, но я старалась не привлекать к этим поискам внимания, поэтому чередовала их с изучением замка в целом.

Несмотря на свою мрачную архитектуру, которую в моем мире наверняка называли бы готической, а может быть и благодаря ей, место мне нравилось, но иногда и пугало. Я бы не назвала его уютным, хотя в своей комнате обустроилась с комфортом, какого никогда не знала дома. Днем в хорошую погоду это была просто серая каменная громадина, внутри которой всегда прохладно. Но стоило испортиться погоде (что происходило довольно часто) или опуститься ночной темноте, как замок преображался. Всю нижнюю часть окутывал туман, серый камень чернел, пустые башни, на солнце казавшиеся сонными, становились мрачными.

Больше всего напрягала тишина. Днем пели птицы, переговаривалась и смеялась стража, жил своей жизнью город и отголоски этой жизни создавали фоновый шум. Но в дурную погоду половина звуков стихала, а после вечерних ударов колокола тишина окутывала замок плотнее, чем густой туман. Для человека, привыкшего к постоянному гулу городского транспорта, бормотанию телевизора и громкой музыке в ушах, это было почти невыносимо. В такое время оставалось слушать только треск огня в камине и радоваться, что есть хотя бы он.

Побродить по замку в ночное время я решилась только раз, в самом начале лета. Долгой эту вылазку не назвать, мне едва удалось уговорить себя выбраться за пределы башни, после чего я позорно побежала обратно, захлопнула дверь комнаты и вновь подперла ее стулом, хотя после первой ночи ни разу так не делала.

Нет, ничего страшного я не увидела. Не столкнулась с привидением, не стала случайным свидетелем кровавого преступления. Но эта бескомпромиссная темнота вокруг и тишина, нарушаемая лишь тихими завываниями ветра, подействовали сильнее самого страшного из

виденных мною ужастиков.

Хоть я и прихватила из настольной лампы светящийся магией шарик, полностью разогнать тьму он не мог. Замок я тогда почти не знала, каждая ниша, даже не очень глубокая, казалась мне провалом в черную бездну, из которой могло выползти что-то страшное и опасное. Все время мерещились какие-то шорохи, шепот, вздохи, даже едва слышные шаги, которые стихали, стоило самой замереть. Я не ожидала от своего воображения такой подставы, ведь в прежней жизни мне доводилось лазить по заброшкам и в темное время суток, а однажды мы с приятелем даже провели пару часов ночью на старом, давно недействующем кладбище – на спор. Приятель, кстати, едва мне все не испортил: уже через полчаса готов был сбежать, тогда как я чувствовала себя абсолютно спокойно.

Здесь же спокойствие отчего-то мне изменило, и с тех пор я после ужина с Колтом из комнаты не выходила.

Лишь в первой половине августа вновь об этом задумалась. Дело в том, что у моих прогулок по замку была еще одна цель, в которой я едва признавалась самой себе. Мне хотелось встретить мужчину, которого я видела в первый день. За которым подглядывала, если уж называть вещи своими именами. Но его нигде не было. Колт меня с ним не знакомил, даже не упоминал о нем. Однажды я спросила, кто еще сейчас живет в замке, но никого похожего в ответ не упомянули.

– Как ты уже видела, у нас есть стража, и, полагаю, Мелиса объяснила тебе про домовых. Большинство преподавателей либо приезжают на учебный год, либо живут в городе. Постоянно здесь находимся только мы с Мелисой, госпожа Блик, преподает здесь бытовую магию, и господин Млинар, библиотекарь. Когда занятий нет, он занимается обновлением каталогов и реставрацией некоторых старых книг. Но сейчас он в отпуске.

Больше мне никого не назвали, но я была уверена, что тот незнакомец не библиотекарь. Я не стала расспрашивать подробнее, чтобы не объяснять, почему меня так интересует этот вопрос. Через какое-то время и вовсе заподозрила, что мужчина мне привиделся. Или, быть может, это призрак?

Но в начале третьего месяца лета, название которого в магическом переводе звучало для меня исключительно как август, я случайно заметила мужчину с длинными черными волосами, выглянув из окна башни. Он прогуливался по внутреннему двору замка, невзирая на крайне мерзкую в тот день погоду. Поначалу я глазам своим не поверила, решила, что мозг издевается, принимая кого-то из охранников за мой призрачный интерес. Но мужчина вдруг остановился, покрутил головой из стороны в сторону, а потом задрал ее и посмотрел на башню. Я даже от окна отскочила на мгновение, но быстро сообразила, что он не может меня в нем увидеть. А когда снова выглянула на улицу, незнакомца уже и след простыл. Вот уж действительно призрак...

По понятным причинам мужчина заинтриговал меня еще сильнее. Подумалось, что оба раза я видела его в отсутствие солнца: поздно вечером, после колокола, и в пасмурную погоду. Может быть, он вампир? С этого мира станется. Но это означало, что искать встречи с загадочным незнакомцем нужно в темное время суток, когда замок погружается в мрачную дремоту. Быть может, именно поэтому до сих пор нам и не удавалось встретиться?

Зачем нужна эта встреча, я и сама не знала. Убеждала себя, что мною движет чистое любопытство, но было что-то еще. Какое-то тянущее ощущение в груди, понять которое мне пока не удавалось.

Мне понадобилась неделя, чтобы собраться с духом. Я убедила себя, что теперь знаю

замок гораздо лучше, а потому не будет так страшно бродить по нему в темноте. К тому же я успела овладеть азами магии и могла при желании ненадолго усилить свечение шарика или зажечь одну из замковых люстр. Слабая помощь, если задуматься, но сама возможность грела.

Теперь за пределы башни я вышла легко: все-таки каждый день проделывала этот путь при свете, место стало уже привычным. Но дальше я невольно затормозила. Куда пойти? В основное здание, где находятся аудитории? Или в башню, где разместились библиотека? В огромный зал для официальных мероприятий, где в учебный период, как я уже выяснила, накрывают общие завтраки, обеды и ужины? В башни студенческих общежитий?

Я мысленно перебирала варианты, но все они казались слишком скучными. Ноги в итоге сами собой понесли к закрытой части замка. А точнее туда, где нынешнее основное строение соприкасалось со старым. Не встречу своего призрака, так хоть лишний раз попытаюсь найти тайный проход, не боясь, что меня поймают на этом деле.

Темнота, едва разгоняемая светом шарика, торопливо смыкалась за спиной, томно вздыхала и даже иногда всхлипывала. От каждого такого звука по телу пробегали мурашки и волосы на затылке, не попавшие в хвостик, вставали дыбом, но я все равно упрямо шла к своей цели, испытывая смутную убежденность, что именно сегодня мне повезет.

И не ошиблась. В каком-то смысле. Отблески чужого света я заметила еще издалека, а стоило свернуть за угол, как у меня едва не вырвался торжествующий возглас. Незнакомец был там! Почти в таком же виде, в каком я встретила его впервые: черные брюки, белая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Разве что длинные черные волосы лежали аккуратнее, перехваченные узкой лентой в тон.

Ни бутылок, ни книг рядом с мужчиной в этот раз не наблюдалось. Лишь фонарь, похожий на тот, что использовал мой провожатый во время прохода через туннель, горел на полу у его ног. Сам незнакомец стоял лицом к стене, приложив к ней обе руки и неторопливо поглаживая шершавый камень. Глаза его были прикрыты, поэтому он не заметил моего появления, а я все-таки удержалась от вскриков и лишь замерла, стараясь даже не дышать, чтобы не спугнуть.

Что он делает, черт побери? Со стеной обнимается? Или чего-то пытается от нее добиться?

Что бы мужчина ни делал, очевидно, потерпел поражение. На запястьях его вновь вспыхнули символы, и он, тихо зашипев от боли, отдернул руки от стены, после чего открыл глаза и, естественно, заметил меня. Шарахнулся в сторону с таким видом, словно наткнулся на подкроватного монстра, но тут же совладал с собой.

Я улыбнулась и неловко махнула рукой.

– Привет.

Гениальное начало разговора, конечно, но за все время я так и не подготовилась к этой встрече, поэтому решила действовать по наитию. И по обстоятельствам.

Мужчина смерил меня взглядом, который никак нельзя было назвать дружелюбным. Сейчас, имея возможность рассмотреть его получше, я пришла к выводу, что он или ровесник Мелисы, или немного моложе. Лет на десять старше меня, должно быть. Или около того. Определенно не студент. Еще один местный препод? Но почему тогда Колт ничего о нем не сказал?

– Извини...те, если помешала, – продолжила я. – Мне кажется, мы незнакомы, хотя уже почти три месяца живем в одном доме. Я Ника.

Он не ответил, только слегка прищурился и поджал губы. Пришлось уточнить:

– Дочь директора Колта. А вы?..

Я не стала формулировать вопрос, лишь тоном дала понять, что жду имя и краткую справку о себе в ответ. Взгляд тем временем сам скользнул по его рукам к веренице все еще сияющих на запястьях символов.

Мужчина проследил за моим взглядом и... смутился. Торопливо принялся разворачивать рукава, чтобы скрыть символы под манжетами.

– У вас имя есть? – подсказала я, все еще стараясь быть дружелюбной, но уже слегка раздражаясь.

Что этот парень из себя строит? Его вежливости никогда не учили?

– Есть, – отозвался он наконец.

Слава богу, а то я уже подумала, что немой.

– Но я не обязан сообщать его каждому. Людям следует быть представленными друг другу должным образом.

Ого... Жестко. После общения с Колтом, Мелисой и парочкой особо разговорчивых охранников я пришла к выводу, что никаких специальных церемоний здесь не придерживаются. Может быть, я пока не все знаю?

– А должным – это каким? – улыбнулась я, давая понять, что не имела в виду ничего оскорбительного. – Я недавно в этих местах, могу не все знать.

– Кто-нибудь должен вас мне представить, ручаясь таким образом, что вы достойны знакомства со мной, – высокомерно процедил собеседник.

Вот же засранец! Улыбаться сразу расхотелось. Сжав светящийся шарик в кулаке, чтобы не уронить, я сердито скрестила руки на груди.

– Я дочь хозяина замка, в котором вы живете, – напомнила я. – Кем надо быть, чтобы страдать подобным самомнением?

Мужчина наконец справился с пуговицами на запястьях. Пальцы у него слегка подрагивали то ли от негодования, то ли от смущения, которое он пытался скрыть. Что такого может быть в этих символах, чтобы так суетиться? Несмотря на магию всеобщего перевода, я не могла их прочесть.

Незнакомец повернулся ко мне, опустив руки по швам и слегка вздернув подбородок.

– Ламберт Рабан, лорд Ардем, – отчеканил он и самодовольно добавил: – Хозяин земель, на которых стоит замок вашего отца.

Ох ты ж, как неловко вышло-то... Но кто же знал? Наверное, стоило извиниться и ретироваться, но вместо этого я поинтересовалась:

– А что, своего дома у вас нет?

Может быть, причиной тому стало плохое освещение, но мне показалось, что Рабан аж побелел от злости.

– Почему-то же вы живете здесь, – пояснила я свой вопрос. – И что делали сейчас, интересно? Зачем гладили стену?

– Вы забываетесь, госпожа Колт, – отрезал Рабан. – Я не должен перед вами отчитываться. Хорошей ночи.

Бросив это, он стремительно повернулся на сто восемьдесят градусов, схватил фонарь и торопливо ушел прочь.

– Я не Колт, я Матвеева! – только и успела бросить ему в спину, но он даже не оглянулся.

Вот и познакомились... Можно считать гештальт закрытым. Хотя, конечно, мое

любопытство не было удовлетворено. Наоборот, распалилось еще сильнее.

Я покосилась на стену, даже подошла и тоже потрогала ее ладонью. Что же он тут делал? Непонятно.

Только вернувшись в комнату, я задалась вопросом, не мог ли лорд Ардем заниматься в той части замка тем же, чем и я: поисками тайного прохода.

Учебный год в истинном мире начинается так же, как и в моем родном, но он все равно умудрился подкрасться незаметно. Я глазом не успела моргнуть, как замок ожил, наполнился звуками.

Сначала съехались преподаватели, а неделю спустя подтянулись и студенты. Первого сентября я неожиданно для самой себя проснулась не по собственной воле и даже не по выставленному накануне будильнику, а от гомона голосов за окном. Оказалось, когда десятки студентов одновременно приезжают и скапливаются во внутреннем дворе, радостно приветствуя друг друга после каникул, они создают очень много шума. Слишком много для человека, успевшего почти привыкнуть к постоянной гнетущей тишине.

Торопиться я не стала. Первый день осени, по сути, является подготовительным. Занятия начнутся только завтра, а сегодня все будут осаждать учебную часть, решая те или иные вопросы, и толпиться в библиотеке, получая учебники. Я практически все вопросы успела решить заранее, пользуясь своим, в некотором смысле, привилегированным положением. Оставалось только определиться с последним предметом, который буду посещать в этом году.

Образовательный минимум требовал от студентов-первокурсников изучать хотя бы шесть дисциплин, но особо рьяные имели право набрать до восьми. Четыре из них назначались в обязательном порядке: общая теория составления заклятий, теоретические основы изготовления артефактов, теория зельеварения и основы составления ритуальных пентаграмм. На этих четырех китах базируется вся магия истинного мира, поэтому общие знания требуются всем студентам, независимо от специализации. С ней нужно будет определиться только на втором курсе.

Оставшиеся две дисциплины предлагалось выбрать из шести вариантов: этика магии, история Содружества, культура кланов и территорий, бытовая магия, мертвые языки и... физическая подготовка. Физра, проще говоря.

С первым предметом я определилась быстро: бытовая магия выглядела отличным выбором для человека, выросшего вне магического мира. Кое-что я успела освоить за лето, но подозревала, что можно делать куда больше. И это определенно полезнее, чем что-либо еще из списка.

А вот второй предмет выбрать я никак не могла. Этика, культура и история казались одинаково скучными, хотя Колт и Мелиса практически в один голос твердили, что мне, безусловно, потребуются все три. И насколько я понимала, у меня не было шансов избежать их, потому что общеобразовательные дисциплины требовалось брать каждый год, а их список практически не менялся. Так что рано или поздно я до всего доберусь, но на первом курсе хотелось взять то, что будет не слишком обременять. У меня он и так планировался непростым.

Именно по этой причине я сразу отмела мертвые языки. С подобными вещами отношения у меня не складываются. С языками программирования – да, с иностранными – нет. Мертвые – зачем они вообще? Поначалу я даже не поняла, откуда взялось изучение каких-то языков в мире, где существует магия всеобщего перевода. Оказалось, она не работает с языками древности, на которых больше никто не говорит.

– А зачем тогда их учить? – поинтересовалась я у Мелисы, которая и выдала мне список

предметов, предлагая сделать выбор.

– На них написаны некоторые древние книги и их символы используются в разных ритуалах и при наложении определенных заклятий. Правда, это довольно специфическая область магии, ее мало кто использует...

В моем понимании это означало узкую специализацию, в которую совсем необязательно влезать. Оставалась физическая подготовка, которую я тоже недолго любила и регулярно прогуливала как в школе, так и в колледже. Но в пользу этого предмета имелся весьма серьезный довод.

Боевую магию, которую преподавал мой горе-папаша, на первом курсе не изучали, поскольку она требовала определенного уровня подготовки. Той самой – физической. То есть, если я хотела однажды оказаться среди его студентов, мне следовало не только заняться спортом, но и не отлынивать, а в конце года сдать нормативы. Поэтому я уже несколько дней взвешивала все «за» и «против», спрашивая себя, стоит ли лишнее общение с отцом такого напряжения. И почему-то все больше склонялась к выводу, что очень даже стоит.

Но я все же медлила с окончательным решением, откладывая его на последний момент. То есть до конца дня.

Завтрак я по привычке съела в одиночестве, а вот на обед планировала отправиться в студенческую столовую. И собиралась в дальнейшем трапезничать только там, возможно, делая иногда исключения для ужина с родителем.

Вообще-то, я считала, что мне и жить стоит в студенческой общаге. Так меньше шансов стать изгоем. Ведь кого в классе не любят больше всего? Правильно, учительских деток! А я дочка не просто преподавателя, а целого директора. Это практически несмыслимое клеймо. И избежать его – или хотя бы скрытой травли – можно лишь одним способом: поскорее найти среди сокурсников «своих». Тех, кто станет твоей бандой. Тогда никто не тронет, а если и возникнут какие-то терки, я не останусь с ними один на один.

Однако Колт оказался категорически против. Заявил, что я могу жить только в его башне – и точка. Дух противоречия во мне, конечно, мгновенно взбунтовался. Я уже была готова пойти на принцип и даже на конфликт – меня и без того постоянно тянуло устроить папаше сладкую жизнь, ведь он так некстати пропустил мой переходный возраст, – но вмешательство Мелисы задавило противостояние в зародыше.

С присущей ей женской мудростью и хитростью наставница просто сводила меня на экскурсию в башню общежития. Показала скромные комнаты, в которых жили двое, трое, а то и четверо, общие ванны с не менее общими душевыми и ночными горшками, рассказала об очередях и расписаниях. Я быстро сравнила это с комфортными условиями отдельной комнаты с гардеробной и собственным санузлом и... сдалась. Любовь к удобству и отсутствие привычки к общежитиям сделали свое дело.

Так что общие завтраки, обеды и ужины оставались для меня единственной возможностью навести мосты и упрочить завязанные знакомства, превратив их в дружеские отношения.

Впервые переступив порог столовой во время едва начавшегося обеда, я сразу поняла, что задача будет не из легких. На меня обернулись практически все присутствующие, беспардонно сверля изучающими взглядами. Доброжелательных я среди них не заметила. В какой-то момент захотелось ощупать себя и проверить, не явилась ли я на обед голой. Обошлось.

Я, в свою очередь, скользила по лицам и не могла ни на одном остановиться, поскольку

пока не знала своих сокурсников. Студентов в академии оказалось не так уж много: чуть больше сотни на все четыре курса. Может быть, еще не все пришли, но и свободных мест в столовой оставалось мало. Я машинально отметила, что подавляющее большинство девушек предпочитают платья с юбками если не в пол, то как минимум до лодыжек. Поэтому я хоть и облачилась в местную одежду, приобретенную в городе, все равно отличалась. Не говоря уже о том, что в истинном мире даже уши прокалывали далеко не все женщины, это я поняла еще по вылазкам в город. Так что даже крошечное колечко в левой ноздре привлекало внимание.

В конце концов мой взгляд остановился на столе в дальнем конце зала, за которым сидели Мелиса, госпожа Блик, с которой я успела пересечься летом, и другие преподаватели, мне пока незнакомые. Колта среди них не оказалось. Я помахала Мелисе, и только потом задумалась, насколько уместно приветствовать ее таким образом теперь, когда она официально стала профессором Колт. Впрочем, мне улыбнулись и приветливо помахали в ответ, давая понять, что все в порядке.

Изобразив максимально независимый вид, я прошла к столам с едой, взяла поднос и принялась выбирать. Взгляды жгли спину, что сбивало с толку, и я больше боролась с желанием обернуться, чем вникала в суть подписей рядом с мисками, кастрюлями и большими тарелками.

– Крайне рекомендую мясное рагу с овощами, – неожиданно раздалось над самым ухом.

Я испуганно дернулась и отпрянула, едва не выронив поднос, а темноволосый красавчик, чем-то похожий на Супермена в исполнении Генри Кавилла, смущенно улыбнулся.

– Если, конечно, ты допускаешь употребление мяса в пищу, – добавил он.

Окинув его оценивающим взглядом, я отвернулась и буркнула:

– Сама разберусь.

Парень немного потоптался рядом, явно не зная, как еще завязать разговор, и отвалил, давая наконец расслабленно выдохнуть. Если я что-то и усвоила из прежних учебных лет, то это простое правило: держись подальше от внезапно подваливающих к тебе красавчиков. Подобное внимание, конечно, лестно, но крайне опасно.

Красавчики – это ребята, заикленные на себе. Они обращают внимание только на тех, кто уже смотрит с обожанием. Выбирая, естественно, максимально привлекательную женскую особь. Я не страдаю комплексами, но и иллюзий по поводу своей внешности не имею. Я не из тех девчонок, за кого мужской взгляд цепляется сразу. И если уж такой экземпляр вдруг одаривает вниманием, жди подвоха. В лучшем случае это будет безобидный прикол, а в худшем – жестокий пранк, после которого ты станешь всеобщим посмешищем и главной темой для разговоров на пару недель. А заодно и «звездой» видео, расползающегося по интернету со скоростью вируса. Нет уж, спасибо!

Впрочем, интернета тут нет, но это едва ли означает, что правила игры сильно отличаются. Я успела заметить, что парень сидел за одним столом с обалденной красоткой – практически лесной нимфой, – прежде чем подойти ко мне. Скорее всего, она его и подговорила. Не знаю, какой у них был план, и знать не хочу.

Набрав наконец еды, я повернулась к столам, стараясь игнорировать взгляды. За это время их стало чуть меньше: большинство студентов переключило внимание на содержимое тарелок и разговоры друг с другом, но некоторые все еще пялились и перешептывались, явно обсуждая мою скромную персону. К ним я точно не собиралась подсаживаться. Не люблю начинать общение из положения неведомой зверушки.

Задавив в зародыше желание сесть одной за свободный маленький столик, я выбрала тот, за которым устроилась невысокая худенькая девушка в круглых очках. Она сидела в одиночестве, что упрощало установление контакта, и к тому же носила рубашку и брюки, похожие на мужские. То есть у нас уже имелось нечто общее.

– Не возражаешь, если я присяду? – поинтересовалась я настолько доброжелательно, насколько могла, замирая у ее столика.

– Н-нет, конечно, садись, – она махнула рукой, изображая приглашающий жест. И неуверенно улыбнулась. – Меня зовут Марин.

– А я Ника.

– А я знаю.

– Как, вероятно, и все в этом зале.

– Определенно, – хмыкнула Марин. – Ты одно из главных событий года.

– Всего лишь одно из? – притворно огорчилась я, чем заставила ее рассмеяться. Пока все шло неплохо. Вот только... – Значит, ты здесь уже не первый год?

– Второй.

– То есть, если будут проблемы с домашкой, у тебя можно спросить консультацию?

– Я всегда рада помочь, – просияла Марин.

Кто бы сомневался! Новая знакомая очень походила на отличницу, готовую в любой момент стать чьим-нибудь репетитором только ради того, чтобы с ней дружили.

– А я говорил, что в женской ипостаси у тебя больше шансов, – хохотнул парень, неожиданно нарисовавшийся рядом с нашим столиком.

И не просто нарисовавшийся, а беспардонно плюхнувшийся на стул в торце! Поднос с горами еды тоже был при нем, что означало намерение задержаться, а не только поздороваться.

Марин едва заметно поморщилась и вздохнула, а я уже собиралась сообщить крепышу – парень выглядел реально мощным, – что мы его к себе не приглашали. Но внезапно до меня дошел смысл его замечания, поэтому изо рта вырвалась совсем другая фраза:

– Что значит – в женской ипостаси?

– Она дуал, – снисходительно пояснил парень.

Я перевела вопросительный взгляд на Марин. Слово это я уже слышала раньше, Колт упоминал, кажется, но я так и не успела выяснить, кто они такие – дуалы. Слишком много всего мне приходилось узнавать в последнее время.

Марин изобразила извиняющуюся улыбку и на моих глазах превратилась... в Генри Кавилла! То есть в парня, подошедшего ко мне чуть раньше.

– Обычно девушки снисходительнее реагируют на мужскую, – немного смущенно пояснил парень... То есть Марин, вдруг ставшая парнем. – Да и вообще всем этот вариант нравится больше.

Я снова повернулась к здоровяку, так и не сумев закрыть рот. На моем лице, вероятно, крупными буквами было написано: «Да что за хрень тут происходит?!»

– Ты не знала про дуалов? – удивился он. – Впрочем, ты ведь недавно в истинном мире, наверное, Марин – первый дуал, который тебе повстречался. Они тоже оборотни, но вместо того, чтобы обращаться в животное, меняют пол. И в отличие от нас не утратили эту способность.

– Ага... – выдохнула я, все еще шокированная внезапным открытием, и опять посмотрела на новую знакомую... знакомого. Черт... – Ладно... А как зовут твою...

мужскую ипостась?

– Все еще Марин Николеску, – пояснил он. – Я ведь все тот же человек. Если бы ты умела перекидываться в горгулью, а он в медведя, вам бы не пришло в голову давать им другие имена.

– Медведь – это я, – пояснил парень, столь беспардонно ворвавшийся в наше общество. – Владимир Рихард.

– Владимир? – переспросила я удивленно, как и он, делая ударение на последний слог.

– Можно просто Влад.

Я кивнула. Непривычное ударение в знакомом имени не смогло надолго удержать фокус моего внимания, поэтому я снова обратилась к Марин:

– А куда деваются очки? И вообще... вся твоя одежда становится другой. Как так?

Марин... усмехнулся.

– Ника, я вырастаю или уменьшаюсь на двадцать пять сантиметров, набираю или теряю в весе почти сорок килограмм, меняю длину волос, цвет глаз, полностью перестраиваю весь скелет, мышцы, меняю внешние и внутренние половые органы, гормональный фон... А тебе непонятно, только куда деваются очки и одежда? Это магия.

– Справедливо. – Напоминание о магии помогло окончательно справиться с удивлением. – Ты не могла бы вернуться в женскую ипостась?

– А почему тебе не нравится мужская? – удивилась Марин, тем не менее снова превращаясь в скромную маленькую отличницу.

– Красавчики меня нервируют, от них всегда жди беды.

– О, ну извини, я превратиться в девчонку не сумею, придется терпеть меня, какой есть, – самоуверенно заявил Владимир.

– Тебя как-нибудь переживу, – фыркнула я.

Он хоть и был рослым светловолосым здоровяком, записать его в красавчики я никак не могла.

– А на Осенний бал со мной пойдешь? – тут же подсуетился Владимир, улыбаясь почти обворожительно.

Хорошо, что об этом мероприятии Мелиса успела мне рассказать, в противном случае я рисковала прослыть совсем уж деревней. С ее слов выходило, что на бал совершенно необязательно идти с кем-то в паре.

– Посмотрим, как будешь себя вести, – отмахнулась я, продолжая с интересом рассматривать Марин. – А почему вы не потеряли способность к обороту, как остальные?

Она пожала плечами.

– Мы не единственные, кто ее сохранил. Русалки, – она кивнула на красотку, которую я про себя обозвала лесной нимфой, – тоже до сих пор обращаются. И насколько мне известно, некоторые тумалонцы.

– Тумалонцы? – переспросила я.

– Обитатели Тумалона, – пояснил Владимир. – Это остров в составе Содружества, но...

Он замялся, подбирая определение, и Марин успела первой:

– Весьма обособленный. Только это объединяет тумалонцев с нами и русалками: три века назад мы все были изолированы от основной части Содружества. Говорят, среди оборотней была какая-то эпидемия...

– Но это неточно, – хмыкнул Владимир.

– Точно никто не знает, – серьезно кивнула Марин. – Это просто одна из версий.

– А их много? – тут же спросила я. Больше для поддержания разговора, если честно, поскольку меня не так уж и интересовала потерянная возможность превращаться в чудовище.

– Хватает. – Владимир весело посмотрел на Марин. – Например, это еще связывают со способностью к ментальному воздействию, которой владеют и русалки, и дуалы. Тумалонцы, предположительно, тоже.

– Но это неточно, – фыркнула Марин, повторив его же слова.

Я уже собиралась поинтересоваться, о каком воздействии идет речь, но в столовой вдруг снова стало подозрительно тихо, а оба моих собеседника с нездоровым любопытством уставились на кого-то, кто только что вошел.

– Вот и второе событие года, – тихо сообщила Марин.

И хотя сама только что страдала от чрезмерного внимания окружающих, я не удержалась и тоже обернулась.

От дверей к столу раздачи практически в полной тишине, ни на кого не глядя, шел Ламберт Рабан, лорд Ардем. Он казался совершенно невозмутимым, словно и не замечал всеобщего внимания. Прошел к столу, взял поднос и принялся накладывать на тарелки еду, как прочие студенты и преподаватели. Может быть, привык никого вокруг себя не замечать?

Мне хотелось так думать, потому что я все еще была немного обижена на него за поведение в коридоре той ночью, за высокомерие и грубость. Но что-то не давало. Возможно, чрезмерно напряженная спина или небольшая пауза, которую он взял, прежде чем снова повернуться к студентам. Я словно смотрела со стороны на саму себя десятью минутами раньше. В груди даже что-то екнуло. Нечто подозрительно похожее на сочувствие.

Так или иначе, а маневр Рабана удался: разговоры в столовой возобновились, а студенты вновь заинтересовались содержимым своих тарелок еще до того, как он закончил с выбором блюд.

– Ну... Как-то так я его себе и представлял, – резюмировал Владимир со смешком. – Типичный дракон.

Сердце отчего-то взволнованно встрепенулось. Дракон? Seriously?

Впрочем, могла бы и сама догадаться. Колт ведь упоминал, что они правят Содружеством, все сплошь аристократы и все такое. Так кем еще мог оказаться *лорд* Ардем, хозяин местных земель?

Сегодня, кстати, он показался мне чуть моложе, чем в предыдущие две встречи. Я даже успела задаться вопросом, не может ли он быть студентом-старшекурсником, но Рабан как раз подошел к столу преподавателей и сел рядом с ними.

– Не скажи, – возразила тем временем Марин. – *Типичный* дракон не стал бы преподавать в академии. К тому же такой захолустной, как Академия Горгулий.

– Чего это она захолустная? – возмутился Владимир.

И неожиданно для себя я почувствовала солидарность с ним, словно такая оценка отцовского ВУЗа меня задела. Хотя с чего бы?..

– Потому что не столичная, – примирительно пояснила Марин, кажется, заметив мою реакцию.

– А что, преподавательская деятельность среди драконов не в чести? – удивилась я.

– Они вообще не любят университеты и академии, – с готовностью просветил Владимир. – Даже не учатся в них, предпочитают постигать науки дома. По крайней мере, аристократы. Те, что попроще, – воины там всякие – еще обучаются, но в своих закрытых

учреждениях.

– Максимум, до чего может снизойти дракон-аристократ, – это ректорство, – добавила Марин. – Но только где-нибудь в столице, а не на окраине Содружества.

– Я слышал, Рабана изгнали из рода, – понизив голос до шепота, сообщил Владимир. – Вот только никто не знает за что. Однако это событие совпало с загадочной гибелью его отца.

– Ну, если бы он грохнул папашу, его, наверное, арестовали бы, – наивно предположила я.

И по выразительным взглядам приятелей поняла, что это маловероятно.

– Драконы предпочитают такие вещи улаживать без лишнего шума. Изгнание из рода они вполне могут считать достаточным наказанием, – добавил Владимир.

– Да уж, тому, кто с рождения готовился встать во главе рода, преподавать мертвые языки в захолустье должно быть крайне унижительно, – согласилась Марин.

Я снова обернулась, чтобы взглянуть на Рабана. Тот сидел рядом с другими преподавателями, но оставался сам по себе. Их стол находился довольно далеко от нашего, но даже с такого расстояния мне удалось разглядеть застывшую в его глазах тоску, от которой почему-то заныло сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5ct>